

ЛИКВИДАТОР

ТЭСС ЭДЕРЛИ

Тэсс Эдерли Ликвидатор

<https://litres.ru/73939778>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Гросс-Сити человеческие воспоминания и эмоции давно стали ликвидным товаром, а должников превращают в пустые бездушные оболочки. Эла Вейн — безупречный Ликвидатор. Её работа — стирать эмоциональные аномалии, и она беспрекословно подчиняется системе.

Но новый контракт ломает все алгоритмы. Её цель — парень-аномалия, которого не должно существовать. Пытаясь устранить его, Эла совершает фатальную ошибку. Теперь ей предстоит сделать выбор: остаться послушным оружием системы или пойти против мегаполиса ради человека, чье прикосновение способно всех уничтожить.

Содержание

Глава 1. Глоток чужого безумия	4
Глава 2. Сектор Ноль	17
Глава 3. Дирижер тишины	28
Глава 4. Резонанс живых	41
Глава 5. Ржавый шелк подполья	49
Глава 6. Синхронизация в эпицентре	63
Глава 7. Эхо в пустоте	70
Конец ознакомительного фрагмента.	85

Тэсс Эдерли Ликвидатор

Глава 1. Глоток чужого безумия

Гросс-Сити, некогда живой и яркий город, теперь слился в одну серую декорацию. Над мегаполисом висел смог такой плотности, что неоновые вывески «Нервного Банка» казались расплывчатыми ранами на теле неба. Всё здесь вибрировало: от асфальта, пропускающего гул подземных магистралей, до человеческих костей, издающих тонкий, едва уловимый звон, который жители называли «фоновой статикой». В этом городе тишина была не отсутствием звука, а отсутствием «жизни».

Эла Вэйн стояла на краю крыши в Секторе 4 — районе, где бетонные многоэтажки прижимались так плотно, что казались единым, плохо скроенным организмом. Она поправила наушники «Mk-IV». Тяжелые, обитые кожей, они были её единственной защитой от того, что город прятал в своих подворотнях.

— Ликвидатор 402, — произнесла она, и её голос эхом отозвался в закрытых амбушюрах. — Объект зафиксирован. Начинаю калибровку.

Экран на её запястье мигнул, выстраивая ломаную линию звуковой волны. Впереди, в пустом окне заброшенной квартиры, дрожало марево. Резонанс.

Для обычного человека Резонанс был просто пятном в воздухе, искажением реальности, похожим на жар над асфальтом. Но Эла видела его иначе. Для неё это был сгусток чистой, нефильтованной боли, застрявший в пространстве. Кто-то здесь умер. Умер не просто так, а в момент такого эмоционального взрыва, что сама ткань мира не смогла поглотить этот звук и превратила его в бесконечную петлю.

Эла вошла в здание. Лестничные пролеты пахли сыростью и «выгоревшими» людьми — пылью и нестираной одеждой. Те, кто продал свои чувства Банку, часто забывали даже о базовой гигиене. Зачем мыться, если ты не чувствуешь свежести? Зачем есть, если вкус — это роскошь, на которую у тебя всегда недостаточно кредитов?

Она толкнула дверь квартиры. Резонанс отозвался мгновенно.

Это был «Пищевой», один из самых дешевых, но вязких. Мужчина, живший здесь, продал Банку свои вкусовые рецепторы, чтобы оплатить операцию жене, которая не спасла её. Три года он ел безвкусную белковую массу, пока его мозг не начал генерировать фантомные вкусы. Он сошел с ума, пытаясь вспомнить вкус обычного яблока.

**Звон разбитой тарелки. Хриплый шепот: «Почему оно*

*как песок? Почему всё как песок?!»**

Звук ударил по наушникам Элы. Автоматические фильтры мгновенно срезали низкие частоты, но вибрация прошла сквозь подошвы ботинок. Эла сделала вдох, настраивая свои внутренние барьеры. Ликвидаторы были единственными, чья нервная система могла выступать в роли «губки». Они не стирали звук — они впитывали его в себя, чтобы потом сдать в Банк на переработку.

— Ну же, — прошептала она, протягивая руку к мареву.

Её пальцы вошли в холодную зону искажения. Тело мгновенно отозвалось судорогой. Это было похоже на погружение в ледяную воду и на удар электричеством одновременно. Перед глазами вспыхнули чужие воспоминания: сочное красное яблоко, хруст кожицы, сладость, заливающая язык... и внезапный переход в серую, пепельную пустоту.

Эла почувствовала, как её собственное горло перехватило спазмом отчаяния этого человека. Она была им. Она была той самой тарелкой, летящей в стену. Она была тем самым криком, который никто не услышал.

— Принимай... — выдохнула она, активируя «Деструктор».

Черная перчатка на её руке засветилась оранжевым. Звуковые нити начали медленно втягиваться в капсулу на её предплечье. Это была самая опасная фаза. Если сорвется контакт, Резонанс может, перескочив на Ликвидатора, вы-

теснить его собственную личность. В архивах Банка хранились сотни записей о «схлопнувшихся» чистильщиках, которые начинали считать себя самоубийцами из прошлого века.

Через пять минут в комнате стало тихо. По-настоящему тихо.

Эла опустилась на пол, тяжело дыша. Её комбинезон промок от пота, а в висках пульсировала тяжелая, тупая боль. В капсуле на запястье теперь плескалась серая жижа — переработанный Эфир Скорби.

— Объект ликвидирован, — хрипло сказала она в микрофон. — Чистота 98%. Остаточные помехи в пределах нормы.

— Принято, 402-я. Возвращайся в Офис для разгрузки. У тебя накопилось три дня переработки.

Метро Гросс-Сити было чистилищем для живых. Зайдя в вагон, Эла нашла местечко в углу и завалилась на него, полная усталости, прижав сумку со снаряжением к груди. Напротив неё сидел мужчина в поношенном пальто. Он смотрел в одну точку на стене уже десять остановок. Его глаза были идеально прозрачными — признак того, что он прошел полную процедуру «Выгрузки».

Таких в городе было большинство. «Пустые». Идеальные граждане, идеальные рабочие. Они не устраивали забастовок, не влюблялись, не требовали повышения зарплаты. Они просто существовали, пока их физический ресурс не исчер-

пывался.

Эла отвела взгляд. Она знала, что её сестра Лира на грани того, чтобы стать такой же. У Леры не было долгов, но у неё было «Выгорание» — редкая болезнь, при которой мозг переставал воспроизводить и удерживать естественные эмоции. Без постоянных инъекций дорогого «Эфира Спокойствия» Лира превращалась в овощ, который забывал, как дышать.

Именно поэтому Эла работала Ликвидатором. Чтобы покупать сестре право чувствовать хотя бы страх. Страх был самым дешевым из эфиров, но даже он стоил дороже, чем жизнь в Гросс-Сити.

На выходе из метро Элу остановил патруль Банка. Двое мужчин в тяжелой броне со сканерами в руках.

— Ликвидатор? Предъявите талон разгрузки.

Эла молча протянула руку с терминалом. Один из патрульных проверил данные, его сканер холодно пискнул.

— Задержка по кредиту — 48 часов. Вэйн, если не погасишь проценты до завтрашнего вечера, твой сектор переведут на режим «Тишины».

— Я знаю, — отрезала Эла, вырывая руку.

«Режим Тишины» — это «безобидное» название для отключения фильтров и жизнеобеспечения. Банк не убивал должников напрямую, он просто переставал поддерживать их реальность.

Квартира встретила её привычным полумраком. Лира си-

дела на полу в окружении своих рисунков. Девочка рисовала звуки. На листах бумаги были изображены странные, закрученные спирали, острые углы и серые пятна.

— Сегодня было громко? — спросила Лира, не поднимая головы.

Эла сняла ботинки и подошла к сестре. Она присела рядом, чувствуя, как накопленная за день Статика всё еще вибрирует в её мышцах.

— Обычный шум, Лира. Ничего, с чем бы я не справилась.

— Ты врешь. — Сестра посмотрела на неё, и её пустые глаза на секунду сфокусировались. — У тебя за левым ухом застрял звук разбитого стекла. Он колючий. Тебе больно.

Эла невольно коснулась этого места. Конечно, сестра чувствовала. «Выгоревшие» часто обретали странную чувствительность к чужому эмоциональному мусору.

— Я принесла тебе Эфир.

Она достала из потайного кармана крошечную ампулу с золотистой жидкостью. Это была её собственная, присвоенная тайком «премия» за чистоту объекта — то, что она утаила от официальной разгрузки. Смертельно опасный риск. Если Варик узнает об «усушке» Эфира, её саму пустят на переработку.

— Пей. — Эла вскрыла ампулу.

Лира жадно глотнула жидкость. Через несколько секунд её бледные щеки тронул едва заметный румянец, а взгляд стал теплее. Она на мгновение стала похожа на обычного ре-

бенка.

— Спасибо, Эла. Теперь... теперь я помню, как пахнет дождь.

Эла обняла сестру, чувствуя, как внутри неё самой что-то надламывается. Каждая такая ампула стоила ей части рассудка. Она впитывала смерть, чтобы Лира могла помнить дождь. Но долг рос быстрее, чем она успевала чистить квартиры.

В дверь постучали. Неожданным и непривычным стуком. Это был ритмичные, властные удары, которые могли принадлежать только одному человеку в этом городе.

Дверь открылась, и на пороге возник силуэт Директора Варика. Его безупречный костюм казался черной дырой на фоне обшарпанного коридора.

— Эла Вэйн, — его голос был мягким, как шелк, и острым, как бритва, — нам нужно поговорить о твоём будущем. Твой долг стал... неудобным для Банка. Но у меня есть способ списать его одним махом.

Эла закрыла собой Лиру, чувствуя, как её «Мк-IV» на шее начали издавать предупреждающий писк. Варик никогда не приходил лично ради обычного должника.

— Что вам нужно? — спросила она, понимая, что тишина этого вечера только что закончилась навсегда.

Варик не вошел в комнату — он позволил комнате поглотить себя. Его присутствие вытеснило воздух, заменив его запахом стерильной чистоты и дорогого антисептика. В

Гросс-Сити так пахли только те, кто никогда не касался стен жилых кварталов и не дышал общим туманом.

Он медленно обвел взглядом тесную каморку. Его глаза, холодные и серые, как арктический лед, задержались на рисунках Лиры, затем скользнули по обшарпанному кухонному терминалу и, наконец, остановились на Эле. Она всё еще прижимала сестру к себе, чувствуя, как та мелко дрожит.

— Уютно, — произнес Варик. В его устах это слово прозвучало как оскорбление. — Хотя я бы назвал это «эмоциональной свалкой». Столько накопленной Статики в одном месте... Вэйн, как ты здесь спишь? Твои соседи, должно быть, видят кошмары только от-того, что находятся за этой стеной.

— Зачем вы здесь? — Эла поднялась, заставляя Лиру сесть на диван. — Ликвидаторы не принимают начальство дома. Это нарушение устава Банка.

Варик усмехнулся. Эта усмешка не затронула его глаз. Он подошел к окну и посмотрел на расплывчатые огни города.

— Устав — это правила для тех, чья жизнь стоит меньше, чем ампула «Эфира Счастья». Твоя жизнь, Эла, стоит гораздо больше. По крайней мере, для меня. Знаешь, я просматривал твой отчет по сегодняшнему объекту в «Верхних Садах». Чистота 98%. Впечатляюще. Особенно учитывая, что Резонанс был пятого класса сложности.

Он обернулся, и Эла увидела в его руках маленький планшет. На экране горели красные цифры её долга. Они пуль-

сировали, словно обратный отсчет на бомбе.

— Твой долг — это не просто цифры. Это твоя цепь. И она натянута до предела. Завтра утром Банк выставит твою квартиру на аукцион «Пустых». Лиру заберут в приют при перерабатывающем заводе. Там из «Выгоревших» делают отличных операторов связи — они ведь не отвлекаются на чувства, верно?

Эла почувствовала, как в ушах зашумело. Статика, которую она впитала в пентхаусе, внезапно отозвалась резкой болью в затылке.

— Вы пришли сюда, чтобы угрожать мне?

— Нет. — Варик сделал шаг вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума. — Я пришел предложить тебе свободу. Настоящую. Полное списание долга, пожизненный запас Эфира для твоей сестры и... чистые документы на выезд в тихие сектора.

Эла недоверчиво прищурилась.

— За такие подарки в нашем городе отдают не только душу, но и все внутренние органы. Что вы хотите взамен?

Варик замолчал, и тишина в комнате стала осязаемой. Лира на диване вдруг начала раскачиваться из стороны в сторону, тихо напевая мелодию без слов — ту самую, которую Эла как-то принесла в себе из квартиры художницы. Варик бросил на девочку короткий взгляд, и в его глазах промелькнуло нечто похожее на профессиональный интерес.

— В Гросс-Сити появилась аномалия, — наконец произ-

нес он. — Не обычный Резонанс, оставшийся после трупa. А нечто... мобильное. Источник звука, который перемещается по Нижнему Ярусу и сводит с ума патрули. Мы называем это «Шепчущим».

Эла нахмурилась.

— Если это бродячий Резонанс, отправьте группу захвата. Жнецы справятся с этим за десять минут.

— Жнецы — тупые инструменты, — отрезал Варик. — Они уничтожают материю, но они не могут «выпить» суть. «Шепчущий» — это концентрированный Эфир старой формации. Чистая, первородная эмоция, которая не подвергалась фильтрации Банка. На черном рынке за него идет война. Но мне он нужен не для продажи.

— А для чего? — спросила Эла, чувствуя, как её наушники на шее начинают вибрировать, реагируя на тон голоса Варика.

— Для стабилизации системы. Город начинает рушиться, Эла. Статика накапливается быстрее, чем вы её чистите. Нам нужен «Королевский Резонанс», чтобы перезагрузить центральный фильтр. И только ты — с твоим аномально высоким уровнем поглощения — сможешь его удержать, не превратившись в овощ.

Варик положил на стол маленькую черную карту. Она была сделана из обсидиана и имела золотую гравировку Банка.

— Это твой пропуск в Сектор Ноль. Завтра в семь утра ты должна быть там. Тебе выдадут новое оборудование. Экспе-

риментальное.

— А если я откажусь? — Голос Элы сорвался.

Варик уже был у двери. Он не приближался, но его голос прозвучал так, будто он шептал ей прямо в ухо:

— Тогда завтра в восемь утра твоя сестра станет собственностью Банка. И поверь мне, Эла, я лично прослежу, чтобы её «Выгорание» исследовали до самого последнего нейрона. Без анестезии. Ведь она всё равно ничего не чувствует, правда?

Дверь закрылась с негромким щелчком.

Эла осталась стоять посреди комнаты. Её била крупная дрожь. Она посмотрела на Лиру — та замерла, уставившись на черную карту на столе.

— Эла... — прошептала девочка. — Тот человек... от него пахло металлом и старой кровью. Не ходи туда.

— У меня нет выбора, малышка. — Эла подошла к сестре и опустилась перед ней на колени. — У нас никогда его не было.

Она взяла карту. На ощупь та была неестественно теплой, почти пульсирующей. Сектор Ноль. Запретная зона, сердце Банка, где, по слухам, находились гигантские резервуары, в которых хранились эмоции целых поколений. Ликвидаторы никогда не заходили так глубоко.

Эла чувствовала, как внутри неё всё еще ворочается последний забранный Резонанс. Фиолетовые искры боли в её сознании начали окрашиваться в тревожный красный цвет.

Она понимала: Варик что-то недоговаривает. «Шепчущий» не был просто аномалией. Это была ловушка или начало чего-то масштабного, что сотрет Гросс-Сити с карты мира.

Она встала и подошла к зеркалу в ванной. Из отражения на неё смотрела бледная девушка с глубокими тенями под глазами. Ликвидатор 402. Инструмент в руках системы. Но где-то глубоко внутри, под слоями впитанного чужого горя, ещё теплилась её собственная искра. И эта искра сейчас кричала от ужаса.

— Сектор Ноль, — повторила она, пробуя слова на вкус. Они горчили.

Эла достала из шкафчика старую фотографию. На ней они с Лирой и родителями стояли на фоне какого-то хвойного леса. Фотография была выцветшей, почти серой, но Эла помнила, что трава там была зеленой. Настоящей. До того, как Банк ввел налог на цвета. До того, как мир стал звучать как бесконечный стон.

Она сожгла – словно это был последний мост – фотографию в пепельнице, наблюдая, как огонь пожирает их прошлое.

— Завтра всё закончится, Лира, — сказала она, глядя на пепел. — Либо мы станем свободными, либо мы перестанем существовать. И я даже не знаю, что из этого лучше.

Эла легла в постель, не раздеваясь. В эту ночь ей не снились сны. Ей снился звук — бесконечный, вибрирующий гул, который доносился откуда-то снизу, из самых глубин земли.

Это Гросс-Сити дышал, готовясь поглотить свою очередную жертву.

Глава 2. Сектор Ноль

Центральное здание Нервного Банка, известное среди горожан как «Монолит», возвышалось над Гросс-Сити подобно гигантскому надгробному камню из полированного обсидиана. У него не было окон, только бесконечные ряды вентиляционных решеток, из которых круглосуточно вырывался ледяной пар. В то время как весь остальной город задыхался в желтом тумане, Монолит генерировал собственную атмосферу — стерильную, сухую и пахнущую озоном так сильно, что у входящих начинали слезиться глаза.

Эла стояла перед массивными гермоворотами Сектора Ноль. Её обычный серый комбинезон Ликвидатора здесь казался ветошью. Мимо проходили сотрудники в белых халатах, чьи лица были скрыты масками-респираторами. Они двигались с пугающей синхронностью, не глядя друг на друга, словно части одного отлаженного механизма.

— Идентификация, — произнес бесплотный голос из динамиков.

Эла приложила черную карту Варика к сканеру. По металлу пробежала волна синего света, и ворота с тяжелым вздохом разошлись.

За воротами открылось пространство, которое не должно было существовать по законам архитектуры. Это был колос-

сальный зал, уходящий вниз на сотни метров. Стены его состояли из миллионов стеклянных ячеек, в каждой из которых пульсировал свет. Красный, золотой, фиолетовый, изумрудный — это были архивы Эфира. Чужие жизни, законсервированные в вакууме. Миллиарды воспоминаний, отсортированных по интенсивности и цене.

— Впечатляет, не правда ли? — раздался голос сзади.

Эла резко обернулась. Рядом с ней стояла женщина, которая подошла совсем бесшумно. Высокая, с военной выправкой и коротким ежиком волос стального цвета. Через её левый глаз проходил тонкий, идеально ровный шрам, который делал её взгляд застывшим и хищным.

— Селена, — представилась женщина. Её голос звучал как хруст гравия. — Начальник службы безопасности Директора. Твоя нянька на сегодняшний день.

— Я справлюсь сама, — отрезала Эла, стараясь не смотреть на её шрам.

— Справишься? — Селена усмехнулась, и это движение лица показалось Эле неестественным, словно мышцы забыли, как это делается. — В Секторе Ноль «справиться» означает выйти отсюда с тем же количеством личностей в голове, с каким вошла. Пока что статистика не в пользу Ликвидаторов. Идем. Снаряжение ждет.

Они пошли по узкому прозрачному мостику, перекинутому над бездной хранилища. Эла видела, как внизу огромные автоматические манипуляторы извлекают капсулы из ячеек

и отправляют их по пневмопочте. Гросс-Сити требовал подпитки. Каждую секунду кто-то в городе покупал себе право не чувствовать боли или право на пять минут фальшивой радости.

— Что это за место? — спросила Эла, глядя на бесконечные ряды капсул.

— Фундамент, — коротко ответила Селена. — Без этого хранилища город развалится за час. Люди слишком слабы, чтобы нести свои эмоции самостоятельно. Мы просто... облегчаем им ношу. За определенный процент, разумеется.

Они вошли в лабораторию, где на операционном столе лежало нечто, похожее на скафандр для глубоководных погружений, но изящнее. Весь костюм был пронизан сетью тончайших золотых нитей, которые сходились к массивному шлему.

— Твои наушники — это игрушки для песочницы. — Селена указала на шлем. — Это «Омега-Сенсор». Он не просто фильтрует звук. Он синхронизирует твой сердечный ритм с частотой Резонанса. Ты не поглощаешь звук, ты становишься его частью. Это позволяет удерживать объекты десятого уровня без разрыва аорты.

— И какие побочные эффекты? — Эла коснулась прохладного металла костюма.

— Потеря памяти, галлюцинации, временная остановка сердца, — буднично перечислила Селена. — И есть вероятность, что после разгрузки ты начнешь говорить на языке,

которого не существует. Но эй, за это ведь прощают долги, верно?

Эла промолчала. Она вспомнила пустые глаза Лиры и красные цифры на терминале. Выбора не было.

Процесс облачения занял почти час. Костюм сидел как вторая кожа, но золотые нити, казалось, слегка покалывали, пытаясь пробиться сквозь ткань к нервным окончаниям. Когда Селена застегнула шлем, мир вокруг Элы изменился. Звуки шагов стали объемными, она начала слышать гудение электричества в стенах и даже тихий шелест Эфира в капсулах за стеной.

— Тестирование связи. — Голос Селены теперь звучал у Элы внутри черепа. — Видишь сетку?

Перед глазами Элы развернулась сложная гистограмма. Она видела уровни Статики в реальном времени.

— Вижу, — ответила Эла. Свой голос она теперь ощущала как вибрацию в грудной клетке.

— Хорошо. Твоя цель — «Шепчущий». Он зафиксирован на нижних уровнях очистных сооружений. Это сектор «Омут». Там нет живых людей, только остаточные тени и крысы. И еще кое-что, Вэйн...

Селена подошла вплотную, и Эла через визор увидела её единственный здоровый глаз. В нем на секунду мелькнуло нечто, похожее на сочувствие, но оно тут же исчезло под коркой льда.

— Если ты почувствуешь, что «Шепчущий» начинает от-

вечать тебе... если звук станет похож на слова, которые ты понимаешь — немедленно активируй экстренный сброс. Не слушай его. Что бы он ни обещал.

— Почему? — спросила Эла.

— Потому что Резонансы не умеют говорить, — отрезала Селена. — Они — просто эхо. А эхо всегда говорит только то, что ты хочешь услышать.

Лифт Сектора Ноль падал вниз бесконечно долго. Эла чувствовала, как растёт давление. Её новый сенсор начал улавливать странные помехи. Это был не обычный шум города. Это были обрывки... плача? Смеха? Песен?

Чем глубже они спускались, тем старше становились стены. Бетон сменялся ржавым железом и кирпичной кладкой прошлых веков. Гросс-Сити был построен на костях старого мира, и «Омут» был его самым глубоким подвалом.

Двери лифта открылись, и Эла шагнула в темноту, освещённую лишь тусклым светом её собственного визора. Здесь туман был черным и пах гнилью. Повсюду свисали кабели, похожие на лианы, а под ногами хлюпала маслянистая жижа.

— Я на позиции, — произнесла она.

— Принято, — отозвалась Селена. — Мы видим твою телеметрию. Уровень Статики в секторе — девять. «Шепчущий» где-то в радиусе пятидесяти метров. Удачи, 402-я. Она тебе понадобится.

Эла пошла вперед. Её шаги отдавались тяжелым эхом в бесконечных туннелях. «Омега-Сенсор» начал транслиро-

вать странные образы. На периферии зрения ей казалось, что в тумане стоят люди. Они не двигались, просто смотрели на неё своими дымчатыми глазами.

«Это просто галлюцинации... остаточные проекции...» — повторяла она про себя, крепче сжимая рукоять «Деструктора».

Вдруг звук изменился. Фоновый гул города исчез. Наступила абсолютная тишина, которую через мгновение разорвал тонкий, почти нежный шепот.

— **Эла...**

Она замерла. Шепот не был похож на механическое эхо Резонанса. Он был живым. Тёплым. И он шел не из динамиков шлема, а откуда-то из глубины её собственной памяти.

— **Эла, ты помнишь, как пахнет дождь? Настоящий дождь, не химический...**

Эла почувствовала, как по спине пробежал холод. Это были слова Леры. Но Лира была дома.

Она подняла сенсор. Линия на экране превратилась в идеальный круг, который начал медленно вращаться. Впереди, в конце туннеля, зажегся слабый янтарный свет. Он пульсировал медленно, словно сердце огромного зверя.

Это был «Шепчущий». И он ждал её.

Оранжевое марево в глубине туннеля не освещало пространство — оно его пожирало. Туман вокруг пульсации становился густым, как деготь, и Эла чувствовала, как «Оме-

га-костюм» начинает вибрировать на критических частотах. Золотые нити на её запястьях раскалились, впиваясь в кожу сквозь подкладку.

— **Эла... зачем ты ищешь то, что должно быть забыто?** — Голос «Шепчущего» теперь звучал не в наушниках, а в самом её позвоночнике. Это была не речь, а прямая трансляция чужой тоски.

Эла сжала рукоять «Деструктора». Её ладони вспотели, а визор шлема начал покрываться изнутри мелкой сеткой инея — побочный эффект резкого температурного спада, который всегда сопровождал мощные Резонансы.

— Я здесь, чтобы закрыть твой счет, — хрипло ответила она. — Ты нарушаешь Статику сектора. Ты — мусор, который нужно утилизировать.

Шепот превратился в тихий, горький смех. В янтарном свете начали проступать контуры. Это не был человек. Это был хаотичный клубок из сотен полупрозрачных лиц, сменяющих друг друга со скоростью кадров на киноплёнке. Лица плакали, кричали, улыбались и мгновенно исчезали.

— **Мы — не мусор. Мы — всё, что осталось от Гросс-Сити до того, как его превратили в консервную банку,** — пронеслось в её голове. — **Ты ведь чувствуешь это, Ликвидатор? Твой шлем... он не защищает тебя. Он просто делает твою агонию громче.**

Эла активировала захват. Из её предплечья вырвались тонкие лучи оранжевого света — магнитные ловушки для

звуковых волн. Как только они коснулись янтарного облака, туннель содрогнулся.

Ударная волна звука была такой силы, что Элу отбросило назад. Она врезалась спиной в ржавую трубу, и в глазах на мгновение потемнело. Система «Омега» взвыла: «Критическое искажение! Уровень синхронизации — 95%. Опасность поглощения личности!»

— Вэйн! Вэйн, отвечай! — Голос Селены в ушах проби-
вался сквозь статический треск. — Твой пульс зашкаливает!
Сбрасывай захват, это ловушка! Это не один Резонанс, это
«Коллективное Эхо»!

Но Эла не могла отпустить. Её пальцы заклинило на пус-
ковом механизме. Она видела, как янтарные нити «Шепчу-
щего» начинают переплетаться с золотыми нитями её костю-
ма. Она стала проводником. Через её тело потекли тысячи
жизней: старик, умерший от голода в 12-м секторе; молодая
мать, чей ребенок «выгорел» прямо у неё на руках; рабочий,
упавший в плавильную печь из-за недосыпа.

Это был не просто звук. Это была концентрированная
несправедливость города.

Эла закричала, но её собственный голос утонул в этом
океане чужого горя. Она чувствовала, как её собственное
«Я» начинает растворяться. Где заканчивается Эла Вэйн и
начинается эта бездна?

— **Отдай нам свою тишину...** — просил «Шепчущий».
— **Отдай свою боль за сестру, и мы сделаем тебя частью*

*вечности.**

В этот момент Эла увидела Лиру. Это была галлюцинация, порожденная костюмом, но она казалась реальнее, чем ржавые стены туннеля. Лира стояла в янтарном сиянии и тянула к ней руки. Её глаза не были пустыми — они были полны света.

— Эла, отпусти... — прошептала призрачная сестра.

— Нет! — Эла из последних сил ударила кулаком по панели экстренного усиления на груди. — Ты не она! Она не может так говорить!

Мощный импульс «Деструктора» буквально разорвал тишину. Янтарное облако взорвалось, разлетаясь на тысячи осколков, которые тут же начали втягиваться в капсулу-приемник. Эла упала на колени в грязную воду, тяжело и прерывисто дыша. Костюм искрил, золотые нити на руках потухли, оставив после себя багровые ожоги.

В капсуле теперь пульсировал густой, почти черный Эфир. Он не светился — он вибрировал так сильно, что Эла чувствовала это всем телом.

— Объект... ликвидирован, — выдохнула она в микрофон. Голос был неузнаваемым, надтреснутым.

— Вижу. — Голос Селены звучал почти уважительно. — Возвращайся на поверхность. Мы высылаем платформу. Ты сделала невозможное, Вэйн. Этот Эфир... Директор будет доволен.

Разгрузка в Секторе Ноль проходила в гробовом молча-

нии. Когда Элу вынимали из костюма «Омега», она едва держалась на ногах. Её кожа была бледной, почти прозрачной, а под глазами залегли такие тени, будто она не спала годы.

Селена подошла к ней, когда техники унесли черную капсулу. Она протянула Эле стакан воды, но руки девушки так дрожали, что половина выплеснулась на пол.

— Ты видела что-то там, внизу? — тихо спросила Селена.
— Что-то, чего не было в телеметрии?

Эла подняла на неё глаза. В её голове всё еще звучал смех «Шепчущего».

— Я видела Город. Настоящий. Тот, который вы похоронили под этим бетоном.

Селена нахмурилась и быстро оглянулась на камеры наблюдения.

— Забудь об этом, Ликвидатор. Твой долг списан на двадцать процентов. Это самый крупный транш в истории Банка. Твоя сестра получит «Эфир Премиум-класса» уже сегодня вечером.

— Двадцать процентов? — Эла горько усмехнулась. — Я чуть не стерла свою личность ради двадцати процентов?

— Такова цена. — Селена коснулась своего шрама. — Иди домой. Тебе нужно очистить фильтры восприятия. И... Вэйн? Будь осторожна. Тот, кто услышал «Шепчущего» один раз, навсегда меняет свой слух.

Эла возвращалась домой пешком, игнорируя метро. Ей нужно было почувствовать холодный ветер Гросс-Сити, что-

бы убедиться, что она еще жива. Она шла мимо «Пустых», мимо неоновых вывесок, которые теперь казались ей не яркими, а кричащими от боли.

Зайдя в квартиру, она обнаружила Лиру спящей. На столе стоял новый контейнер с Эфиром — золотистый, сияющий, с логотипом Сектора Ноль. Плата за её сегодняшний кошмар.

Эла подошла к зеркалу и сняла повязку с запястья. Ожоги от костюма сложились в странный узор, напоминающий звуковую волну. Она прикоснулась к ним, и в её голове внезапно отозвалась чистая, высокая нота.

Это был не шум города. И не Эхо «Шепчущего».

Это был звук, который доносился откуда-то издалека, с самых нижних уровней Нижнего Яруса. Словно кто-то там, в темноте, звал её. Не по имени — по частоте её души.

Эла закрыла лицо руками. Она поняла, что Селена была права. Её слух изменился. Теперь в общем гуле страданий Гросс-Сити она начала различать музыку. Одинокую, опасную и невероятно притягательную.

— Кай... — прошептала она, сама не зная, откуда в её сознании взялось это имя.

Она еще не подозревала, что очень скоро оно станет её единственной реальностью. Но сегодня ночью она впервые за долгие годы не просто спала. Она прислушивалась к тишине, которая больше не была пустой.

Глава 3. Дирижер тишины

Химический дождь в Гросс-Сити не смывал грязь — он превращал её в липкую, фосфоресцирующую жижу, которая разъедала подошвы ботинок и оставляла на металле радужные разводы. Эла стояла под дырявым козырьком входа в метро, глядя на то, как капли разбиваются об асфальт. Каждый их удар сегодня звучал для неё как выстрел.

Теперь, она слышала по-другому. После Сектора Ноль и «Омега-костюма» мир вокруг потерял свою монотонность. Раньше Гросс-Сити был для неё просто гулом. Теперь он стал партитурой, в которой она различала каждую фальшивую ноту. Она слышала, как сбоят трансформатор в трех кварталах отсюда. Слышала, как бешено колотится сердце у вора в подворотне. И, что самое страшное, она слышала *золот* «Пустых», проходящих мимо — тихий, сосущий звук пустоты в их груди, похожий на свист ветра в пустой бутылке.

Она прикоснулась к запястью. Ожоги под бинтами пульсировали. Стоило ей сосредоточиться, и они начинали светиться едва заметным янтарным светом, откликаясь на общую Статику города.

— Вэйн, ты на связи? — Голос диспетчера в наушниках теперь казался Эле невыносимо грубым, словно кто-то скрежетал ржавым напильником по стеклу.

— Да, — коротко ответила она, поморщившись.

— У тебя новый вызов. Сектор «Синие Панели», жилой блок 12-Б. Бытовой Резонанс, но соседи жалуются на «высокий тон». Сходи, угомони его.

— Поняла. Выдвигаюсь.

Перед работой она заскочила домой. Ей хотелось увидеть Лиру.

В квартире было непривычно светло. Контейнер с «Премиальным Эфиром», который доставили из Банка, стоял на столе, распространяя мягкое золотистое сияние. Лира сидела на кровати, и Эла вздрогнула, увидев её.

Сестра не просто «пришла в норму». Она выглядела... живой. Слишком живой для этого места. Её кожа больше не была костяной, на щеках горел лихорадочный румянец, а глаза — те самые глаза, что раньше были пустыми зеркалами — теперь искрились.

— Эла! — Лира вскочила и подбежала к сестре. Её движения были резкими, порывистыми. — Ты слышишь? Слышишь, как поют провода? Они рассказывают истории о том, что было до Банка!

Эла осторожно взяла сестру за плечи. Девочку трясло.

— Лира, тише. Тебе нужно присесть. Тебе дали слишком сильную дозу.

— Нет, нет! — Лира смеялась, и этот смех резал уши Элы, как бритва. — Это не доза, это правда! Эла, я вижу их! Эхо не умирает, оно просто прячется. Тот золотой сок... он от-

крыл мне уши. Почему ты раньше не приносила его? Почему мы жили в тишине?

Эла посмотрела на пустую ампулу на полу. Варик не просто дал ей лекарство. Он дал Лире «усилитель». Премиальный Эфир из Сектора Ноль не лечил «Выгорание» — он превращал его в сверхчувствительность. Лира теперь была как оголенный провод. Любой резкий звук города мог выжечь её мозг.

— Обещай мне, — Эла понизила голос до шепота, — обещай, что не будешь слушать провода. Надень старые наушники и не снимай их, пока я не вернусь. Пожалуйста, это опасно.

Лира внезапно затихла. Она посмотрела на ожоги на запястье Элы, и её лицо мгновенно стало серьезным, почти пугающим.

— Ты тоже начала его слышать, да? Того, кто ходит в золотом тумане. Он ищет нас, Эла. И он очень одинокий.

Эла ничего не ответила. Она быстро собрала снаряжение, поцеловала сестру в холодный лоб и буквально выбежала из квартиры. Ей нужно было работать. Ей нужно было забыться в рутине, иначе безумие, которое начало просачиваться в их жизнь, поглотит их обеих.

Сектор «Синие Панели» был местом, где люди не жили, а доживали. Бесконечные ряды одинаковых коробок, облепленных спутниковыми тарелками и сушилками для белья. Здесь Резонансы случались каждый день — люди умирали

от скуки, от старости или от осознания того, что завтра будет точно таким же, как вчера.

Эла поднялась на восьмой этаж. У нужной двери уже стояли двое «Пустых» соседей. Они не выражали никаких эмоций, просто смотрели на дверь, из-за которой доносился звук.

Обычному уху он казался тихим гулом, но для неё это был вопль.

Она надела шлем, но не включила фильтры. Ей хотелось проверить — сможет ли она работать без костылей Банка? Сможет ли её новый слух справиться с объектом напрямую?

Внутри квартиры было чисто. Почти стерильно. Посреди комнаты на стуле сидела женщина. Она была мертва уже несколько часов, но её тело еще не остыло. А над ней висело облако Резонанса — нежно-голубое, прозрачное, как тонкий лед.

Звук тикающих часов. Глоток чая. И бесконечное, удручающее «завтра... завтра... завтра...»

Это был «Резонанс Ожидания». Самый печальный из всех. Женщина всю жизнь ждала чего-то: повышения, любви, поездки к морю. И умерла, так и не получив ничего из этого, превратив свое ожидание в звуковую ловушку.

Эла протянула руку.

Как только её пальцы коснулись голубого марева, в её го-

лове взорвался аккорд. Но он не принадлежал этой женщине. Сквозь «Ожидание» пробивался другой звук — тот самый, из Сектора Ноль. Янтарный, дикий, вибрирующий.

— Нет, не сейчас... — сказала она шепотом, сжимая зубы.

Резонанс женщины начал отзываться ожогами на её руке. Голубой цвет марева стал менять окраску, наливаясь ядовито-оранжевым. Эла почувствовала, как её «Деструктор» начинает перегреваться. Она больше не поглощала звук — она его *усиливала*.

— Вэйн! Что у тебя там происходит? — заорал диспетчер. — Мы фиксируем всплеск на 400 децибел! Ты снесешь весь этаж! Активируй поглощение, живо!

Но Эла не могла. Она стояла, парализованная, потому что сквозь шум в её сознании начали проступать образы. Она видела не жизнь этой женщины. Она видела разрушенный город, охваченный огнем, и человека, который стоял в центре этого пожара и играл на невидимой скрипке.

Звук стал невыносимым. Стекла в серванте разлетелись в пыль. Соседи за дверью синхронно упали на колени, зажимая уши.

И тут, в самый пик нагрузки, кто-то положил руку ей на плечо.

Это не было прикосновением патрульного или сотрудника Банка. Рука была горячей, почти обжигающей, а через ткань комбинезона Эла почувствовала вибрацию, которая мгновенно «утихомирила» бушующий Резонанс.

— Слишком много шума для такой маленькой квартиры,
— произнес мужской голос. Ироничный, наглый и абсолютно живой.

Эла резко обернулась, активируя «Деструктор» в режиме защиты.

Перед ней стоял парень, который выглядел в этих трущобах как экзотическая птица на свалке. На нем была куртка из яркой, почти запретной оранжевой кожи с кучей цепочек на шее. Лицо расплзлось в широкой хитрой ухмылке, а глаза светились азартом. В руках он вертел какой-то прибор, отдаленно напоминающий сканер Банка, но кустарного производства.

— Ты кто такой? — Эла тяжело дышала, её шлем выдавал ошибку за ошибкой.

— Друг. — Парень подмигнул ей. — Или тот, кто спасет твои барабанные перепонки от внепланового взрыва. Зови меня Джакс. Я занимаюсь... скажем так, перераспределением лишних звуков.

Он нажал кнопку на своем приборе, и голубое марево Резонанса мгновенно втянулось в его небольшую капсулу. Тишина в комнате стала такой внезапной, что у Элы закружилась голова.

— Ты украл объект Банка. — Эла подняла оружие. — Это смертная казнь на месте.

— Ой, брось. — Джакс подошел ближе, не боясь «Деструктора». — Банк даже не заметит пропажи этой скучной

дамочки. А вот то, что Ликвидатор 402-я начала «фонить» янтарным светом — это новость поинтереснее.

Он посмотрел на её забинтованное запястье.

— Варик надел на тебя «Омегу», да? Плохо дело, крошка. Эта штука не делает тебя сильнее. Она просто готовит тебя к тому, чтобы стать обедом для кого-то покрупнее.

— О чем ты говоришь? — Эла почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— О том, что «Шепчущий» в Омуте был всего лишь закуской. — Джакс стал серьезным. — В городе появился настоящий Резонанс. Живой. И Банк хочет использовать тебя как ловушку для него. Но есть одна проблема...

Джакс наклонился к самому её уху, и Эла услышала, как его голос вибрирует на той же частоте, что и её ожоги.

—...этот Резонанс — единственный, кто может вылечить твою сестру по-настоящему. Без этих золотых ампул, которые медленно превращают её мозг в радиоприемник.

Эла замерла. Откуда он знал про Лиру?

— Увидимся в Нижнем Ярусе, Эла. — Джакс сделал шаг назад и растворился в тени коридора быстрее, чем она успела нажать на курок. — Когда поймешь, что Банк тебя предал — ищи «Ржавый Квартал». Я буду там.

Через секунду в квартиру ворвались патрульные, но там была только Эла, стоящая посреди пустой комнаты, и мертвая женщина, которая наконец-то обрела свою тишину.

Центральный холл Монолита встретил Элу мертвенно-белым светом и тишиной, которая после грохота в «Синих Панелях» стала для неё оглушительной. Она шла по зеркальному полу, и звук её шагов — тяжелый, неритмичный — казался ей самой кошунством.

Её ждали. Селена стояла у лифтов, скрестив руки на груди. Её единственный здоровый глаз сузился, изучая Элу так, словно та была неисправным прибором, который вот-вот задымится.

— Телеметрия сошла с ума, Вэйн, — без предисловий начала Селена. — Всплеск на четыреста децибел, разрушение материи в радиусе десяти метров и... пустая капсула. Объяснись.

Эла остановилась, чувствуя, как под комбинезоном всё еще вибрируют ожоги.

— Объект сдетонировал. Я не успела зафиксировать захват. Статика в секторе была выше расчетной.

— Сдетонировал? — Селена подошла вплотную. От неё пахло холодным металлом и страхом — чужим страхом, который она, как и все сотрудники безопасности, впитывала литрами. — Резонансы ожидания не детонируют, Эла. Они затухают или кристаллизуются. Но ты... ты словно взорвала его изнутри.

Селена протянула руку и резко сорвала бинт с запястья Элы. Янтарные следы на коже пульсировали, выбрасывая в воздух едва заметные искры.

— Костюм «Омега» изменил твою проводимость. — Селена понизила голос до опасного шепота. — Ты теперь не просто Ликвидатор. Ты — резонатор. Варик знал, что так будет. Но он не сказал тебе, что когда ты начнешь «фонить», ты притянешь к себе всех падальщиков города.

— Один уже пришел. — Эла рискнула посмотреть Селене прямо в глаза. — Парень в оранжевой куртке. Назвал себя Джаксом. Он забрал Резонанс.

Селена заметно вздрогнула. Её рука непроизвольно потянулась к шраму на лице.

— Джакс... Эта крыса всё еще жива? Если Директор узнает, что ты упустила Эфир в руки контрабандистов, он не просто не аннулирует твой долг. Он превратит тебя в один из тех Резонансов, которые ты так любишь чистить.

— Тогда не говори ему. — Эла почувствовала неожиданный прилив дерзости. — Вы ведь тоже что-то скрываете, Селена. Я видела вашу реакцию на «Шепчущего». Вы боитесь Директора так же сильно, как и я.

Селена молчала несколько секунд, и в этой тишине Эла услышала нечто странное: сбивчивый, аритмичный стук сердца Селены. Оно звучало как сломанный механизм, который отчаянно пытается имитировать жизнь.

— Уходи домой, 402-я, — наконец произнесла Селена, отворачиваясь. — Очисти фильтры. И если Джакс снова выйдет на связь... убей его прежде, чем он откроет рот. Это единственный способ для тебя дожить до утра.

Дорога домой превратилась в полосу препятствий. Эле казалось, что каждый фонарь, каждая камера наблюдения на стенах Гросс-Сити поворачивается вслед за ней. Город больше не был декорацией — он стал хищником, который припихивался к её новому запаху.

Когда она вошла в квартиру, Лира не спала. Она сидела на полу, заваленном рисунками, и в комнате было так жарко, что Эле стало трудно дышать.

— Он здесь. — Лира подняла голову. Её глаза сияли золотом, а зрачки были расширены до предела. — Эла, он в соседней комнате. Он прошел так быстро, будто сквозь стены.

Эла мгновенно выхватила «Деструктор», чувствуя, как сердце уходит в пятки.

— Кто? Лира, кто здесь?!

Она ворвалась в спальню, но там было пусто. Лишь занавеска на окне слабо колыхалась, хотя окно было плотно закрыто. Но на стене, прямо над кроватью Лире, появился новый рисунок. Кто-то начертил его углем — быстро, нервно, но с пугающей точностью.

Это был портрет. Мужское лицо с резкими скулами. И чем дольше Эла смотрела на него, тем больше была уверена: этот человек ей знаком. И вдруг в голове на мгновение вспыхнул образ: это был тот парень в огне, с глазами, в которых застыла бесконечная музыка.

— Это Кай, — прошептала Лира, появившись за спиной сестры. — Он сказал, что Банк сделал из него оружие, но он

хочет быть песней. Он сказал, что ты — его единственный слушатель, Эла.

Эла коснулась рисунка. Уголь из камина, которым был сделан рисунок, еще не остыл. Вибрация, исходившая от стены, совпала с пульсацией её ожогов на руке. Это не было галлюцинацией. Этот парень действительно был здесь и он нашел её раньше, чем она подумала об их возможной встрече.

— Что еще он сказал? — Эла повернулась к сестре, чувствуя, как внутри нарастает паника, смешанная с болезненным любопытством.

— Он сказал, что завтра Варик отправит тебя в «Ржавый Квартал». — Лира обхватила себя руками, её голос стал тихим и монотонным. — Он сказал, что это будет ловушка. Жнецы пойдут за тобой следом. Они не хотят захватить Кая. Они хотят уничтожить вас обоих, чтобы создать «Великую Тишину».

Эла опустилась на кровать, чувствуя, как мир, который она знала, окончательно рушится. «Великая Тишина» — это был проект Банка по полной эмоциональной стерилизации города. Она услышала о нём случайно, и теперь всё сложилось. Если уничтожить источник самого мощного Резонанса в момент его пика, можно вызвать цепную реакцию, которая сотрет чувства у всех жителей Гросс-Сити навсегда. И она, Эла, должна была стать детонатором.

Она просидела в темноте несколько часов, слушая, как дышит спящая Лира. Золотой Эфир в крови девочки посте-

ленно затихал, но Эла знала — это лишь временная передышка.

На кухонном столе лежал обломок капсулы, который Джакс «незаметно уронил» в «Синих Панелях». Внутри него был крошечный чип с адресом в Нижнем Ярусе и короткая аудиозапись, которую можно было услышать только через Ликвидаторский шлем.

Эла надела наушники и нажала «воспроизведение».

Сначала была лишь статика. А потом пробился голос Джакса, лишенный его обычной иронии: «Эла, если ты это слушаешь, значит, ты еще не сдала меня Селене. Хороший знак. Послушай меня внимательно: Варик не лечит твою сестру. Он «настраи́вает» её. Она — его резервный приемник на случай, если ты сгоришь. Кай Торн — не монстр. Он — это всё, что осталось от свободы в этом проклятом месте. Приходи в «Ржавый Квартал» до рассвета. Либо мы сменим частоту этого города, либо завтра здесь не останется никого, кто сможет даже заплакать».

Запись оборвалась.

Эла посмотрела на свои руки. Золотые нити под кожей теперь светились ровным, спокойным светом. Она больше не была Ликвидатором 402. Она была частью симфонии, которую Банк пытался заглушить десятилетиями.

— Прости меня, Лира, — прошептала она, собираясь. — Но я не позволю им превратить тебя в радиоприемник.

Она оставила на столе последнюю ампулу обычного, де-

шевого Эфира — на случай, если не вернется. Надела куртку, скрыв ожоги, и вышла в коридор.

Гросс-Сити ждал её. И где-то там, в глубине Нижнего Яруса, Кай Торн уже начал свою первую ноту, которая должна была разбудить этот мертвый город.

Глава 4. Резонанс живых

Сектор «Ржавый Квартал» оправдывал свое название каждой деталью. Здесь туман не был серым или желтым — он имел густой, багровый оттенок из-за испарений старых медеплавильных заводов и бесконечных неоновых вывесок, которые десятилетиями никто не выключал. Их свет заливал узкие улочки, превращая тени в глубокие провалы, из которых, казалось, вот-вот вытянутся костлявые руки «Пустых».

Эла шла по главной магистрали Квартала, стараясь не привлекать внимания. На ней был новый костюм — тот самый «Омега-скафандр» из Сектора Ноль, скрытый под длинным невзрачным плащом. Но спрятать вибрацию было невозможно. Золотые нити под тканью пульсировали так сильно, что прохожие невольно оборачивались, чувствуя странный зуд в зубах.

Её шлем работал в режиме «скрытого сканирования». Визор транслировал данные прямо на сетчатку глаза:

[Цель] : Кай Торн

[Класс] : Живой Резонанс (Аномалия)

[Уровень угрозы] : Инферно

[Дистанция] : 300 метров

[Инструкция] : Полная утилизация источника.

Сохранение Эфира не требуется

«Сохранение не требуется», — повторила про себя Эла.

Это была исключительная мера. Обычно Банк требовал собрать каждую каплю Эфира, но Кай был настолько опасен для системы, что Варик приказал просто стереть его, превратить в тишину, которая никогда не заговорит.

Чем ближе она подходила к старому зданию заброшенного театра «Элизиум», тем тише становился город. Это была не та тишина, к которой привыкли жители Гросс-Сити — мертвая и пустая. Это была тишина *перед бурей*. Словно мир вокруг затаил дыхание, ожидая первой ноты.

Эла перешагнула через обломки рухнувшей афиши. Внутри театра царила темнота, но её визор мгновенно переключился на тепловое зрение. И тут она услышала это. Не Резонанс, не вопль, плач или шепот. Это была музыка.

Звук шел из самого центра зрительного зала и напоминал звучание виолончели, но такой глубокой и мощной, что стены здания начали вибрировать в такт мелодии. В этой музыке чувствовалась печаль, но в этой печали не было безнадежности. В ней была ярость, была любовь, была память о солнце, которое Эла видела только на сгоревшей фотографии.

— Система, калибровка частот, — прошептала Эла, чувствуя, как у неё подкашиваются ноги.

[Отчет системы] : Частота не идентифицирована

Ошибка алгоритма

Звук содержит «живые» гармоники

Внимание! Синхронизация костюма — 99%.

Эла, отключите слух!

Но она не могла. Музыка проникала сквозь фильтры шлема, сквозь кости черепа, прямо в сердце. Её собственные ожоги на запястьях вспыхнули ярким янтарным светом, отвечая на зов. Эла сорвала шлем. Она знала, что это безумие, что Статика может выжечь ей мозг за секунды, но она хотела услышать это по-настоящему.

Воздух в зале был густым от искр. В центре сцены, залитый багровым светом прожекторов, сидел он — парень с волнистыми темно-каштановыми волосами, примерно двадцати восьми лет. Кай выглядел именно так, как на рисунке, но реальность была куда более ошеломляющей.

Он сидел на обломках старого рояля. Его глаза были закрыты, а пальцы перебирали невидимые струны в воздухе. С каждым движением его рук из пространства рождались звуковые волны, которые можно было увидеть — они расходились от него золотыми кольцами, сжигая пыль и туман.

Эла медленно вышла на свет, сжимая в руке «Деструктор». Её плащ распахнулся, обнажая золотые нити костюма «Омега». Теперь они оба светились — охотник и жертва, настроенные на одну частоту. Кай перестал «играть». Музыка не оборвалась, а лишь затихла, превратившись в низкий, вибрирующий гул, который окутал их обоих куполом.

— Ты опоздала на увертюру, Ликвидатор, — произнес он. Его голос резонировал в грудной клетке Элы.

— Моё задание — утилизировать тебя. — Эла подняла оружие, но ствол «Деструктора» ходил ходуном. — Ты убиваешь людей своим присутствием.

— Я убиваю не людей. — Кай медленно встал. — Я убиваю ложь, которую им вкололи под кожу. Я звучу так, как они звучат на самом деле, когда с них смывают Эфир Банка. Тебе страшно, Эла? — вглядываясь в её лицо спросил он. — Или тебе просто больно от того, что ты впервые слышишь саму себя?

Он сделал шаг к ней. Костюм «Омега» на Эле завыл, предупреждая о критическом сближении.

— Не подходи! — крикнула она. — Я нажму на спуск!

— Нажимай. — Кай остановился в трех метрах от неё. — Но ты ведь знаешь, что произойдет, — прошептал он, сделав ещё шаг. — Если ты сотрешь меня, ты сотрешь музыку. Ты вернешься в мир, где твоя сестра будет просто овощем на золотом Эфире, а ты — батареей для Варика. Ты этого хочешь?

Он задал этот вопрос не только словами, но и глазами, въедаясь в её душу.

Эла посмотрела на индикатор «Деструктора». Заряд был полон. Но... в ушах всё еще стоял тот невероятный аккорд, который заставил её усомниться в правильности собственных действий. Если она выстрелит, то никогда больше его не услышит.

— Почему... почему ты не такой, как другие? — прошеп-

тала она, опуская оружие.

— Потому что я не продал свою боль. — Кай протянул руку. — Я сохранил её. И она превратилась в песню. Банк ненавидит песни, Эла. Они заставляют людей вспоминать.

В этот момент Эла почувствовала резкий укол в основании черепа. Это был сигнал от передатчика.

— Вэйн! — Голос Варика прорезал тишину. — Почему цель еще жива? Выполняй приказ, или я активирую протокол «Очистка» дистанционно.

Эла застыла. Варик видел всё её глазами.

— Они здесь, — прошептала она. — Жнецы.

— Я знаю. — Кай грустно улыбнулся. — У тебя есть десять секунд, Эла.

Двери театра с грохотом распахнулись. В зал ворвались лучи прожекторов и топот ног в кованых сапогах.

— Цель идентифицирована! — раздался голос Селены. — Ликвидатор 402, отойдите! Огонь на поражение!

Эла посмотрела на Кая. Она развернулась не к нему, а к дверям, вскидывая «Деструктор» навстречу Жнецам.

— Нет, — твердо сказала она. — Сегодня тишины не будет.

Слова Элы повисли в густом воздухе театра, как приговор. Жнецы в тяжелой броне замерли на мгновение — для них это было сродни отмене законов физики, но Селена не медлила.

— Огонь на поражение. Уничтожить обоих!

Зал взорвался светом и грохотом. Тяжелые импульсные винтовки Жнецов выдали залп «Серого шума». Эла вскинула руку, активируя защитное поле костюма. Золотые нити вспыхнули, поглощая энергию выстрелов, но цена была огромной: она слышала, как её собственные кости начинают мелко вибрировать.

— Кай, уходи! — крикнула она.

— Уходить? — Кай поднялся с обломков рояля. — Нет, Ликвидатор. Сегодня мы покажем им, что такое настоящий концерт.

Он широко развел руки, и янтарное свечение вокруг него начало менять ритм. Теперь звук превратился в тяжелый, бьющий в грудную клетку барабанный бой. Звуковая волна такой силы, что воздух исказился, ударила первого Жнеца, впечатав его в стену.

— Прекратить стрельбу! — скомандовала Селена, выходя вперед с «Акустическим Тросом» — оружием, предназначенным для захвата самых опасных аномалий. Она выстрелила синим лучом энергии, целясь в сердце Кая. Но Эла выставила руку, перехватив заряд своим запястьем.

Боль была запредельной. Синий луч начал вытягивать из неё все Резонансы, которые она впитывала годами. В её голове одновременно закричали все тени из «Омута».

— Ты... всего лишь... инструмент... — прошипела Селена. — Стань проводником и сдохни!

Эла упала на одно колено. Сознание захлебывалось в чужой боли. И тут музыка Кая изменилась. Она стала тихой и прозрачной. Он подошел сзади и положил руку на её плечо.

— Тебе больше не нужно хранить их в себе, Эла. Отдай их мне. Я превращу их в ноты.

Эла почувствовала, как вся чернота и обрывки криков хлынули в Кая. Он поглощал её боль, переплавляя в нечто иное. Его глаза вспыхнули нестерпимым янтарным светом. Он резко вскинул свободную руку в сторону Жнецов и аккорд свободы — чистый и мощный — ударил по отряду Селены. Солдаты падали, сдирая маски: на них обрушился груз их собственных подавленных чувств.

Селену отбросило к выходу.

— Это еще не конец! — прохрипела она, активируя телепорт.

Синяя вспышка поглотила её отряд. В театре воцарилась живая тишина.

— Нам нужно уходить. — Кай схватил Элу за предплечье — Сюда летят перехватчики.

— Моя сестра... Варик заберет Лиру!

— Джакс уже там. Он знал, что ты выберешь музыку.

Они выбежали из театра в лабиринт переулков «Ржавого Квартала». Багровый туман скрывал их, но костюм «Омега» всё еще слабо светился. Эла сорвала шлем и отбросила его в канаву, разрывая связь с Банком.

Они бежали мимо заброшенных заводов. Гросс-Сити про-

сыпался, в небе кружили дроны-ищейки.

— Почему ты помог мне? — спросила Эла, когда они остановились в тени ржавого бака.

— Потому что ты — мой единственный настоящий слушатель, Эла. — Кай коснулся её запястья. — Твои ожоги... это резонанс. Если ты погибнешь, музыка замолкнет.

Эла посмотрела на свои руки. Золотые нити пульсировали в такт сердцу Кая. Пути назад не было.

— Значит, мы идем к Джаксу?

— Мы идем менять частоту этого мира, — ответил Кай.

На горизонте вспыхнул луч прожектора Монолита. Банк объявил блокаду. Но Эла Вэйн больше не боялась. Она впервые чувствовала себя не винтиком системы, а нотой в великой симфонии.

Глава 5. Ржавый шелк подполья

Гросс-Сити умел прятать свои шрамы, но здесь, в «Ржавом Квартале», он выставлял их напоказ, как боевые трофеи. Если Верхний Ярус был стерильным моргом, то Нижний — гноящейся, но пульсирующей раной. Здесь туман не просто висел в воздухе — он жил. Напитанный частицами меди, мазута и нефilterованной человеческой ярости, он лип к коже, оставляя привкус крови на языке.

Эла шла за Каем, стараясь не спотыкаться об обрывки кабелей, змеящихся под ногами. Её «Омега-костюм» под плащом вел себя странно. Без шлема, лишённая защитных фильтров Банка, она чувствовала себя так, словно с неё заживо содрали кожу и заставили идти сквозь бурю.

Теперь, мир для неё стал звуковым давлением.

В Верхнем Ярусе «Пустые» молчали. Здесь же каждый встречный «фонил». Эла слышала обрывки их жизней: хриплый смех в баре за три квартала отсюда, тихий плач женщины за гофрированной железной дверью, яростный шепот дилеров, торгующих разбавленным «Эфиром Гнева». Это была Статика, но не мертвая, как в квартирах самоубийц. Это была Статика живых — хаотичная, грязная и невыносимо громкая.

— Дыши глубже, Ликвидатор, — бросил Кай, не оборачиваясь. — Если попытаешься отгородиться от этого шума,

он тебя раздавит. Позволь ему течь сквозь тебя.

— Тебе легко говорить, — выдохнула Эла, прижимая ладонь к пульсирующим ожогам на запястье. — Ты сам — этот шум. А я... я всю жизнь училась его стирать.

— Значит, пора учиться слушать. — Кай остановился перед ржавой стеной, на которой неонов горела вывеска старой мастерской: «Звук и Память».

Дверь, сваренная из обшивки грузового контейнера, открылась с визгом, который отозвался в зубах Элы высокой нотой «ре». Внутри пахло старой канифолью, крепким кофе и чем-то кислым — так пахнет перегретая электроника.

Джакс сидел на высоком табурете, окруженный горами разобранных Ликвидаторских шлемов, капсул и каких-то странных приборов, которые выглядели так, словно их собрали из мусора и гениальности. Вдалеке виднелись найденные им музыкальные инструменты, от гитары до рояля. Увидев вошедших, он не вскочил. Лишь допил что-то из жестяной кружки и широко улыбнулся, обнажая белоснежные зубы, которые казались неестественно яркими в этом мрачном месте.

— Добро пожаловать в «Ржавый Квартал», — Джакс эффектно обвел рукой свое убежище, — место, где Банк теряет свои полномочия, а я — нахожу запчасти для вашей новой жизни.

Эла сбросила плащ. Золотые нити костюма в полумраке мастерской вспыхнули, освещая пыль, кружащуюся в возду-

хе. Джакс присвистнул.

— Ого... Варик действительно вложил в тебя целое состояние, крошка. Эта модель «Омеги» существует в трех экземплярах. И один из них сейчас на тебе, светится как рождественская елка в Секторе Ноль.

— Он нас найдет? — Эла подошла к Джаксу, игнорируя его фамильярность. — По этому свечению. По этим нитям.

Джакс прыгнул с табурета и подошел к ней. Его глаза за стеклами старых авиаторских очков сузились. Он провел сканером вдоль её руки, и прибор выдал серию тревожных писков.

— Найдет? — Джакс хмыкнул. — Эла, он тебя уже «видит». Твой костюм — это не просто броня. Это гигантская антенна. Каждое твоё движение посылает сигнал в Монолит. Ты для них — как маяк в открытом море. А Кай... — он взглянул на парня, стоявшего у входа, — Кай — это тот самый шторм, на который этот маяк настроен.

Эла почувствовала, как холодный пот потек по спине.

— Значит, всё, что произошло в театре...

— Было калибровкой, — закончил за неё Кай. Он подошел к верстаку и взял в руки старую скрипичную струну, задумчиво перебирая её. — Варик не хотел меня убивать. Не сразу. Ему нужно было, чтобы ты настроилась на мою частоту. Чтобы твоя «Омега» запомнила мой резонанс. Теперь, куда бы я ни пошел, ты потянешь за собой хвост из Жнецов.

Страх и чувство опасности обволакивали её всё больше.

Образ Варика — холодного, безупречного, обещающего спасение — теперь казался ей маской монстра. Она вспомнила Лиру, её лихорадочный румянец и то, как девочка раскачивалась, ловя сигналы проводов.

— Лира, — прошептала она. — Он сказал, что лечит её. Он прислал Золотой Эфир. Я видела, что он с ней делает... она стала как оголенный провод. Я думала, это побочный эффект сверхчувствительности.

Джакс перестал улыбаться. Он подошел к небольшому экрану, на котором прыгали ломаные линии звукового спектра.

— Ты права, Эла. Ты видела только верхушку айсберга, но Варик не просто превратил её в «провод» ради забавы. Ты думала, это медицинская ошибка? Нет.

Он нажал кнопку, и на экране появилось изображение нейронной сети, пульсирующей ядовитым золотом.

— Золотой Эфир — это «Двусторонний Шлюз». Варик превратил твою сестру в живой био-ретранслятор. Она не просто слышит всё вокруг из-за гиперчувствительности — она передает «эхо» своей боли и всё, что фиксирует её мозг, обратно в приемники Монолита. Пока она в этой агонии, Банк видит Гросс-Сити её ушами. Она — их живой радар, настроенный на частоту твоего костюма.

— Значит, её страдание... это их способ слежки? — Эла почувствовала, как к горлу подкатывает тошнота.

— Именно, — подал голос Кай. Его музыка в этот момент

звучала как низкий, предостерегающий рокот. — Она просто инструмент. Чем больше ей от нашего резонанса, тем четче сигнал у Жнецов. Он буквально питает систему навигации её страхом.

Эла вскочила, её рука непроизвольно потянулась к «Деструктору», которого больше не было.

— Я должна вернуться. Я заберу её. Прямо сейчас.

— И как ты это сделаешь? — Джакс преградил ей путь. — Ты — дефектный инструмент. Она — заложница в самой охраняемой башне города. Стоит тебе подойти к Монолиту на километр, и Варик просто отключит её систему жизнеобеспечения. Или вколет ей дозу, которая превратит её мозг в кашу. Именно поэтому я и не смог её забрать. — Прошептал он, опустив голову. — Я работал на субподряде у Банка, когда-то давно. Но мне удалось сбежать.

Эла замерла, тяжело дыша. Стены мастерской начали вибрировать. Она чувствовала, как внутри неё закипает тот самый Резонанс, который она впитала в Омуте. Он требовал выхода. Он хотел кричать.

— Есть другой путь, — тихо сказал Кай. Он подошел к ней вплотную. В этот раз он не пытался казаться сдержанным. В его глазах отражалось то же отчаяние, которое жгло Элу. — Мы должны сменить частоту.

— О чем ты?

— Банк работает на частоте страха и подчинения. — Кай коснулся её забинтованного запястья, и Эла вскрикнула от

внезапного тепла, разлившегося по руке. — Но есть Перво-родный Звук. Звук, который существовал до того, как Варик построил свои хранилища. Если мы найдем его и транслиру-ем через твою «Омегу» на весь город... система не просто рухнет. Она обнулится.

— Это самоубийство. — Джакс покачал головой. — Что-бы транслировать такой сигнал, тебе нужен усилитель мощ-ностью с Монолит. И резонатор, который не сгорит через се-кунду. Твой костюм может это сделать, Эла. Но ты — нет. Твоё сердце просто не выдержит такого напряжения. Ты сго-ришь вместе с музыкой.

В мастерской воцарилась тишина. Но не пустая, как на Верхнем Ярусе. Это была тишина, наполненная тиканьем со-тен разобранных часов, гулом подпольного города и дыхани-ем трех людей. Эла посмотрела на свои руки. Золотые нити под кожей пульсировали. Она вспомнила Лиру. Вспомнила её смех, вызванный химическим суррогатом радости.

— Сколько у нас времени? — спросила она, глядя Джаксу прямо в глаза.

— До рассвета. — Он проверил свои приборы. — В шесть утра Варик запустит протокол «Великая Тишина». Он уже начал стягивать Жнецов к границам «Ржавого Квартала». Он знает, что мы здесь. И ждет, когда мы начнем действо-вать, чтобы накрыть нас одним залпом.

— Значит, мы начнем раньше. — Эла повернулась к Каю. — Учи меня управлять этим. Если я должна стать резонато-

ром, я хочу знать, как не сгореть раньше времени. Я не хочу быть просто твоей скрипкой. Я хочу быть той, кто нажмет на кнопку.

Кай долго смотрел на неё. В его взгляде промелькнуло что-то похожее на уважение.

— Хорошо, Ликвидатор. Но предупреждаю: это будет больно. Намного больнее, чем впитывать смерть в заброшенных квартирах. Тебе придется вспомнить всё, что ты продала Банку. Потому что только настоящая эмоция может стать топливом для Первородного Звука.

— У меня ничего не осталось, — горько усмехнулась Эла.
— Я продала всё, чтобы оплатить счета Лир.

— Ты так думаешь. — Кай подошел к старому проигрывателю в углу и поставил иглу на потрескавшуюся пластинку. — Но музыка ничего не забывает. Она просто ждет своего часа.

Из динамиков посыпалось шипение, а затем сквозь него прорвался чистый, пронзительный звук трубы. Он звучал настолько одиноко и мощно, что Эла невольно закрыла глаза. В этот момент музыка была не просто звуком. Для неё она стала физически ощутима. Труба выводила высокую, дребезжащую ноту, и Эла чувствовала, как эта нота вибрирует в её коленных чашечках, поднимается выше к позвоночнику и взрывается в затылке миллионами ледяных игл.

— Не закрывайся. — Голос Кая прозвучал прямо над ухом. Его собственный резонанс — низкий, бархатистый —

обволакивал музыку. — Если ты выставишь барьер, звук превратится в молот. Стань пустой, Эла. Стань флейтой, через которую проходит воздух.

— Я не могу... — прохрипела она, вцепляясь пальцами в край верстака. Металл под её ладонями казался неестественно горячим. — Это слишком громко. Мои ожоги... они горят.

— Это не ожоги горят, это твоя память сопротивляется. Банк не просто стер твои воспоминания. Он поставил на их место «заглушки». Чтобы спасти Лиру, ты должна сначала вырвать их из себя.

Джакс в это время возился с обводными кабелями, которые подключил к портам на позвоночнике Элы.

— Так, крошка, сейчас будет неприятно. Я отключаю ограничители «Омеги». Система будет орать, что у тебя критический перегрев, но ты не слушай. Твоя задача — удерживать частоту Кая и не дать ей превратиться в Статику.

Эла кивнула. Джакс щелкнул тумблером.

Мир исчез.

Вместо мастерской Эла внезапно увидела бесконечное белое пространство, пронизанное черными нитями. Это была её собственная память — изуродованная, обрезанная, превращенная в аккуратные архивы Банка. И посреди этого безмолвия стоял Кай. Он светился янтарным светом, и от него исходили волны звука, которые, касаясь черных нитей, заставляли их плавиться.

— Смотри, Эла, — сказал он, указывая на одну из нитей. — Это тот день, когда ты продала свою первую влюбленность. Помнишь имя того парня? Нет? Потому что Банк превратил его в цифры на твоём счету.

С этими словами он ударил по струне в своей руке. Звук был такой силы, что Эла почувствовала, как её сознание раскалывается. И внезапно — вспышка. Она снова в парке. Ей шестнадцать. Пахнет мокрым асфальтом и дешевым кофе. Кто-то держит её за руку. Его ладонь теплая, немного шершавая. Он говорит ей что-то важное, но слов не разобрать — вместо них из его рта вылетает серый пепел.

— Верни это! — закричала Эла в этой белой пустоте. — Это моё!

— Забирай, — ответил Кай. — Но за каждое воспоминание придется платить резонансом. Ты готова нести этот звук?

Она рванулась вперед, впитывая в себя это ощущение тепла, это забытое имя — Марк. И как только она это сделала, в реальности, в мастерской Джакса, её тело выгнулось дугой. Золотые нити под кожей вспыхнули так ярко, что осветили самые темные углы подвала. Из динамиков проигрывателя повалил дым, но музыка продолжала звучать — теперь она шла от самой Элы.

— Да! Да, черт возьми! — Джакс лихорадочно стучал по клавишам своего терминала. — Синхронизация 85%! Она держит волну! Кай, не пережми, её сердце на пределе!

Но Кай не слушал. Он смотрел на Элу с пугающе замороженно. Между ними начали проскакивать электрические разряды. Это был не просто звук — это была интимность высшего порядка. Они обменивались не словами, а тем, из чего состояли сами.

Вдруг Джакс замер. Его сканер издал короткий, тревожный сигнал.

— Тихо... что-то не так.

Кай мгновенно оборвал музыку. Эла упала на руки Джакса, тяжело дыша. В мастерской воцарилась тишина, но она была пропитана электричеством.

— Жнецы? — прошептала она, пытаясь сфокусировать зрение.

— Нет. — Джакс смотрел на экран. — Для Жнецов слишком тихо. Это... это «Акустический Ищейка». Одиночный дрон-фантом. Варик не отправил сюда армию, он отправил хирурга.

С потолка посыпалась пыль. Где-то в вентиляции раздался тонкий, едва уловимый свист, похожий на звук комара. Но для обостренного слуха Элы это был рев турбины.

— Он ищет частоту костюма. — Кай быстро подошел к Эле и накрыл её запястья своими ладонями. — Эла, слушай меня. Ты должна погасить свой свет. Сейчас же. Уйди в ту пустоту, в которой ты жила все эти годы. Стань Ликвидатором 402. Стань никем.

— Я не умею... — Она чувствовала, как воспоминание о

Марке, о парке, о тепле всё еще вибрирует внутри неё.

— Сумей! — Кай надавил на её руки. — Если он зафиксировует сигнал, через две минуты этот квартал сотрут с лица земли орбитальным ударом. Погаси это!

Эла закрыла глаза. Она представила себе холодные стены Сектора Ноль. Представила лицо Варика. Представила бесконечные таблицы долгов и серые лица «Пустых». Она начала методично, одно за другим, прятать свои новые чувства в воображаемые сейфы. Тепло — в сейф. Музыку — в сейф. Имя «Марк» — под замок.

Золотые нити на её теле начали тускнеть. Янтарное сияние сменилось тусклым, стальным блеском. Вибрация в воздухе затихла. Тонкий свист в вентиляции стал громче, пролетел над ними и... затих.

Джакс не дышал, глядя на экран. Маленькая красная точка на радаре замерла прямо над их головой, покрутилась и медленно начала удаляться.

— Ушел... — выдохнул он через минуту. — Пронесло. Он принял твой фон за обычный шум старого оборудования, ты справилась.

Эла отстранилась от Кая, пошатываясь. Она чувствовала себя опустошенной, выпотрошенной. За несколько минут она прожила целую жизнь и снова её потеряла.

— Как ты с этим живешь? — спросила она, глядя на Кая. — С этой постоянной какофонией внутри?

Кай сел на край рояля. В тусклом свете он казался еще

старше.

— Я не живу с ней, Эла. Я и есть она. Когда Банк стер мою память, они оставили дыру. И эта дыра начала засасывать в себя звуки всего города. Я слышу каждую смерть. Каждую проданную радость. Единственный способ не сойти с ума — превращать это в музыку. Но ты... ты другая. Ты резонатор по призванию. Варик хотел создать из тебя идеальный инструмент, чтобы ты могла «выпить» мою музыку и запереть её в капсулу.

— Но я не буду этого делать.

— Знаю. Потому что ты уже начала чувствовать. А тот, кто почувствовал хотя бы раз, больше не сможет быть Ликвидатором.

Джакс подошел к ним, вытирая руки грязной тряпкой. Его лицо было пугающе бледным.

— Ребята, у нас проблема. Ищейка ушел оставив «метку».

Он развернул монитор. На карте Ржавого Квартала пульсировала синяя зона.

— Это изоляционное поле. Варик не собирается нас бомбить. Он делает кое-что похуже. Он отключает Гросс-Сити от снабжения Эфиром.

Эла похолодела до кончиков пальцев.

— Что это значит?

— Это значит, что через час у тысяч «Пустых» начнется абстиненция. Они превратятся в бешеных животных, ищущих хоть каплю чувств. А в этом квартале единственный ис-

точник сильного резонанса — это вы. Варик натравливает на нас весь город. Он хочет, чтобы «Пустые» разорвали нас на части прежде, чем Жнецы вообще поднимутся с мест.

— И Лира... — Эла схватила Джакса за плечи. — Если он отключил подачу, что будет с Лирой?

Джакс отвел взгляд.

— У неё есть Золотой Эфир. Он будет поддерживать её... какое-то время. Но когда он начнет выгорать, она станет самой мощной «антенной» в истории. Она начнет транслировать свою агонию на весь город. И этот звук... он убьет всех в радиусе километра. Либо она сожжет город, либо город сожжет её.

Эла посмотрела на Кая. Тот уже стоял, подпоясываясь старым ремнем, на котором висели акустические гранаты.

— Пора, — сказал он. Его голос звучал как удар колокола. — Нам нужно пробиться к центральному узлу до того, как «Пустые» заполонят улицы.

Они вышли из мастерской. Воздух в Ржавом Квартале изменился, став тяжелым, как перед грозой. Эла видела, как в окнах домов гаснет свет. Жители подполья знали: когда Банк объявляет «Тишину», нужно прятаться глубже.

Только «Пустые» не прятались. Эла слышала их... выходящих из своих нор — сотни людей с остекленевшими глазами. Они не кричали, но издавали ужасный низкий, сосущий звук, похожий на шелест миллионов сухих листьев. Они искали Эфир. Искали жизнь. И чувствовали янтарное тепло,

исходящее от Кая и костюма Элы.

— Держись рядом со мной. — Кай взял Элу за локоть.

В этот раз он не просил её гасить свет. Напротив, он позволил своему резонансу вырваться наружу. Янтарное сияние окутало их двоих, создавая призрачный щит. Джакс шел позади, сжимая в руках свой модифицированный сканер.

— Слушай музыку, Эла, — прошептал Кай, когда первая толпа «Пустых» показалась в конце улицы. — Теперь это твоё единственное оружие.

Эла закрыла глаза, вызывая из памяти образ Марка, запах дождя и неожиданное новое чувство — ощущение тепла от руки матери. Она позволила этим воспоминаниям превратиться в энергию. Золотые нити на её костюме взревели, откликаясь на зов. Гросс-Сити еще не знал, что тишина, которую он так долго лелеял, вот-вот будет разорвана в клочья. Рассвет был близок, и он обещал быть самым громким в истории человечества.

Глава 6. Синхронизация в эпицентре

«Звуковой Гроб» Джакса оправдывал своё название. Внутри бронированного фургона пахло старым железом, жженой резиной и страхом. Машину швыряло из стороны в сторону: Джекс не жалел подвеску, прорываясь сквозь груды мусора и толпы «Пустых», которые облепляли фургон, как насекомые. Звук сотен ладоней, скребущих по металлу снаружи, внутри превращался в невыносимый, сводящий с ума скрежет.

Эла сидела на полу, прижавшись спиной к переборке. Без фильтров мастерской Гросс-Сити обрушился на неё всей своей тяжестью. Её новый слух фиксировал каждую судорогу города. Она слышала, как за стенами фургона рвутся невидимые нити человеческих разумов.

— Эла, посмотри на меня! — Голос Кая прорвался сквозь этот гул, как чистая нота сквозь помехи.

Он сидел напротив неё, вцепившись в поручни. Янтарный свет внутри него пульсировал неровно, реагируя на каждый удар снаружи.

— Если ты сейчас не возьмешь это под контроль, твоя «Омега» сдетонирует прямо здесь! — крикнул он, перекрывая рев мотора. — Ты впитываешь их голод! Перестань быть

губкой!

— Я не могу... их слишком много! — Эла прижала руки к ушам. Золотые нити под её плащом светились так ярко, что в салоне стало светло как днем. — Я слышу их пустоту... она засасывает меня!

Джакс резко крутанул руль, уходя от столкновения с перевернутым автобусом. Фургон подбросило, Элу кинуло вперед, прямо на Кая. Он едва успел выставить руки, удерживая её на расстоянии десяти сантиметров от себя. Между ними мгновенно проскочил мощный электрический разряд, пахнущий озоном.

— Не касайся меня! — выдохнул Кай. Его лицо было бледным, в глазах плясали золотые искры. — Слушай меня. В этом хаосе есть ритм. Джакс, дай нам «белый шум» на внутренние динамики!

— Вы с ума сошли? — заорал Джакс с водительского сиденья. — Вас же размажет!

— Делай!

Через мгновение салон фургона заполнился статическим шипением такой плотности, что воздух стал осязаемым. Для Элы это было как удар под дых.

— Теперь, — Кай подался вперед, сокращая дистанцию до опасного минимума, и его голос теперь звучал прямо у неё в голове, — найди в этом шипении свою ноту. Твой фундамент. То, что Банк не смог купить. Вспомни что-то, что принадлежит только тебе.

Эла зажмурилась. Она начала лихорадочно перебирать обрывки памяти, которые вернула в мастерской. *Марк. Запах дождя. Качели.* Но всё это казалось слишком хрупким перед лицом безумия, бушующего снаружи.

И тут она нашла это.

Не воспоминание, а чувство. Её любовь к Лире. Настоящая, не химическая, не оплаченная кредитами. Горькая и нежная решимость спасти сестру любой ценой.

Как только она сосредоточилась на этой эмоции, золотые нити на её груди перестали хаотично мигать. Они вспыхнули ровным, теплым светом.

— Хорошо. — Кай облегченно выдохнул. — Это твоя опорная частота. Теперь... я войду в твой резонанс. Мы создадим фильтр. Я дам тебе структуру, а ты дашь мне энергию своего костюма.

Эла почувствовала, как её сознание окутывает янтарная волна. Это не было вторжением — это было как будто кто-то взял её за руку в абсолютной темноте. Её дыхание синхронизировалось с дыханием Кая. Она начала чувствовать его пульс — сложный, вибрирующий, наполненный музыкой, которую он копил годами.

Их резонансы начали переплетаться. В тесном пространстве фургона воздух начал мерцать. Эла чувствовала Кая так близко, как никогда никого не чувствовала. Она видела его мысли — обрывки мелодий, страх перед Вариком и... странную, щемящую нежность к ней самой.

Это было слишком сильно. В порыве этой внезапной духовной близости Эла, забыв о предупреждениях, потянулась к его лицу. Она просто хотела почувствовать, что он настоящий. Что этот момент — не очередная галлюцинация «Омеги».

Её пальцы коснулись его щеки.

Мир взорвался звуком.

Это не был хлопок. Это был удар колокола размером с небо. Внутри фургона время словно замерло. Все приборы на панели Джакса мгновенно сгорели, выбросив снопы искр. Все стекла, кроме бронированного лобового, разлетелись в пыль. Элу отбросило к задним дверям с такой силой, что заклепки на металле лопнули. Кай рухнул на пол, из его носа хлынула кровь, а вокруг него закружился ядовито-оранжевый вихрь, буквально разрывающий обшивку фургона.

Фургон вильнул и врезался в опору эстакады.

— Ксо¹! — Джакс вывалился из кресла, его лицо было окровавлено. — Я же говорил! Вы как две оголенные фазы под мегавольтным напряжением! Вы нас чуть не аннигилировали!

Эла лежала на холодном металле, чувствуя, как каждая клетка её тела вибрирует от боли. Её костюм истошно пищал, выдавая сообщения о критическом повреждении нейронных мостов.

— Что... что это было? — прохрипела она.

¹ Чёрт! Дерьмо! (яп.)

Кай медленно поднялся, опираясь на искореженную переборку. Его руки всё еще дрожали.

— Это физика, Эла. Твой костюм — идеальный *приемник*, моё тело — абсолютный *излучатель*. В момент касания мы создали замкнутый цикл бесконечного усиления. Если бы мы продержали контакт еще секунду, от этого сектора осталась бы только воронка.

Он посмотрел на неё, и в его взгляде Эла увидела приговор.

— Теперь ты понимаешь? Мы — идеальный дуэт, пока между нами есть пустота. Но мы никогда не сможем коснуться друг друга по-настоящему, без перчаток, без костюмов. Ни-ког-да.

Эти слова ударили её сильнее, чем акустический взрыв. Она посмотрела на свои руки, на золотые нити, которые теперь казались ей не силой, а проклятием. В мире, где чувства продаются за кредиты, она нашла единственную настоящую связь — и она оказалась смертельно опасной.

— Так, хватит соплей. — Джакс встряхнул их обоих, хватая за плечи. — Мы застряли посреди Синих Панелей. Мотор сдох, электроника выгорела. А «Пустые» уже бегут на этот звук. Если вы сейчас не научитесь работать вместе без поцелуев, нас разорвут на сувениры через пять минут.

Он указал на лобовое стекло. Из багрового тумана начали выходить фигуры. Десятки, сотни людей. Они шли на запах того невероятного резонанса, который только что выда-

ли Эла и Кай. Для них это был запах жизни, которой им не хватало.

— Эла, слушай меня. — Кай встал в полный рост, преодолевая боль. — Ты должна научиться «расщеплять» входящий звук. Когда они навалятся, не пытайся его сдержать. Пропусти его сквозь костюм и отдай мне. Я превращу этот хаос в щит.

— Это как... как переливание? — спросила Эла, поднимаясь.

— Скорее как настройка радиостанции. — Кай протянул руку в её сторону, остановив её в паре сантиметров. — Я буду твоим заземлением. Давай!

Эла сосредоточилась, вызвав образ Лиры. Она открыла свои «сейфы» и позволила шуму приближающейся толпы войти в неё. Не стала бороться с ним, а представила, что золотые нити — это русла рек. Она направила всю боль и голод «Пустых» по этим руслам к своим ладоням.

— Принимай! — выдохнула она.

Кай поймал невидимый поток. Его янтарное свечение стало чистым, мощным. Он начал медленно вращать руками, и шум за пределами фургона начал меняться. Он превращался в низкую, густую вибрацию, которая обволакивала машину.

«Пустые», коснувшиеся этой волны, не падали замертво, а лишь замирали. Их лица разглаживались. Звук, рожденный союзом Элы и Кая, на мгновение заполнил их внутреннюю пустоту, даруя им покой.

— Получилось... — прошептала Эла. — Мы не убиваем их. Мы их... лечим?

— На пару минут, не больше. — Джакс уже копался в проводах под приборной панелью. — Но этого хватит, чтобы я завел резервный мотор в этой колымаге.

Джакс соединил два провода, и мотор фургона отозвался хриплым кашлем, а затем ровным гулом.

— Мы прорвемся, — сказала Эла, глядя на Кая.

— Прорвемся, — кивнул он. — Но Варик видел этот всплеск. Он уже знает, что мы научились синхронизироваться. И он не даст нам дойти до Монолита так просто.

Фургон дернулся и поехал вперед, раздвигая толпу спящих людей. Впереди, за лесом бетонных многоэтажек, уже поднимались лучи прожекторов Жнецов. Варик объявил охоту.

Глава 7. Эхо в пустоте

Синий Сектор всегда считался витриной Гросс-Сити. Здесь бетон был чище, неоновые вывески — ярче, а туман казался почти прозрачным, словно его фильтровали через легкие самых богатых жителей мегаполиса. Но сейчас, когда Банк объявил «Тишину», Синий Сектор выглядел как заброшенная декорация к фильму об апокалипсисе. Окна элитных высоток зияли чернотой, а на идеально выметенных тротуарах замерли брошенные люкс-кары.

Фургон Джакса, избитый и хрипящий, замер в тени многоуровневого паркинга на границе сектора. Электроника внутри машины окончательно выгорела после их с Каем «замыкания», и теперь салон освещался лишь тусклыми аварийными лампами. Всё же лучше, чем ничего.

Эла сидела на полу, обхватив колени руками. Её знобило. «Омега-костюм» под плащом казался ей теперь не броней, а саваном. Каждое слово Джакса о «Золотом Эфире» крутилось в её голове, как заезженная пластинка.

— Мы должны что-то придумать. — Кай сидел напротив неё, прислонившись спиной к искореженной двери. Его янтарный свет был едва заметен, словно он сам пытался превратиться в тень. — Варик не просто так отключил эфир. Он выжимает город, как лимон, чтобы получить чистый резонанс. И Лира... она в центре этого процесса.

— Я чувствую её, — прошептала Эла. Она подняла глаза на Кая, и в её взгляде он увидел нечто такое, что заставило его вздрогнуть. — Это не просто связь сестер. После того, как мы синхронизировались в фургоне, я начала слышать её частоту. Она... она кричит, Кай, но не ртом. Её мозг вибрирует на такой частоте, что у меня зубы начинают крошиться.

Джакс, который до этого лихорадочно копался в портативном терминале, запитанном от резервного аккумулятора, внезапно замер. На его лице, перепачканном мазутом и кровью, отразилось выражение чистого, незамутненного ужаса.

— Ребята, вы должны это увидеть. — Его голос сорвался. — Я взломал телеметрию ближнего узла Банка. Я искал данные по Ликвидаторам, но наткнулся на протокол «Маяк».

Эла и Кай подошли к маленькому экрану. На нем в хаотичном танце прыгали графики пульса, давления и нейронной активности. В углу экрана горел идентификатор: Объект Лира Вэйн.

— Смотрите сюда, — Джакс указал на красную линию, которая резко взлетала вверх каждые несколько секунд. — Это не скачки давления, а выбросы энергии. «Золотой Эфир» вступил в реакцию с её клетками. Он не восстанавливает нейронные связи, Эла. Он их... заменяет. Металлом. Жидким золотом.

— Что ты хочешь этим сказать? — Эла схватила Джакса за плечо так сильно, что он поморщился.

— Варик превратил её в органическую антенну. — Джакс

сглотнул. — Напомню, она теперь как живой камертон. Каждый раз, когда ты или Кай проявляете активность, Лира получает сигнал. Она резонирует. И этот резонанс уходит обратно в Монолит, давая им ваши точные координаты с погрешностью в метр. Но это не самое страшное.

Джакс нажал на другую вкладку, и на экране появилось изображение камеры наблюдения из Сектора Ноль. Комната была абсолютно белой. Посреди неё в прозрачном коконе, опутанном сотнями проводов, лежала Лира. Она не двигалась, но из её ушей и глаз сочилось нечто золотистое, светящееся в полумраке.

— Её тело не выдерживает такой нагрузки, — тихо сказал Кай, подходя к экрану. — «Золотой Эфир» пожирает её изнутри... Это началось с той первой дозы, которую Варик вручил Лире после ликвидации «Шепчущего». Каждый раз, когда она передает сигнал Банку, часть её личности стирается. Она становится... транзистором. Еще пара таких всплесков, как наш под мостом, и от её сознания не останется ничего. Только пустая оболочка, передающая шум.

Эла отшатнулась. Ей казалось, что стены фургона сжимаются. Вся её жизнь, весь её бизнес по «очистке чужих смертей», все те кредиты, которые она выплачивала Варику — всё это было вкладом в уничтожение единственного человека, которого она любила. Она сама оплатила покупку этого золотого яда. Она сама, будучи эффективным Ликвидатором, была частью этой машины, которая теперь перемалы-

вала её сестру. А теперь ещё осознание, что идя на поводу у собственного эгоизма и желания коснуться запретного, добивает Лиру в разы быстрее.

— Я убью его. — Голос Элы был лишен эмоций. Это был голос человека, который уже переступил черту. — Я не просто заберу Лиру. Я сожгу этот Банк до самого фундамента.

— Варик рассчитывает на твою ярость. — Кай уже было потянулся к ней, но отдернул руки. В этот раз он не пытался синхронизироваться, но любое прикосновение могло стоить жизни не только им, а всему вокруг. — Он знает твой психопрофиль. Знает, что ты кинешься спасать её, и тогда он сможет захватить нас обоих. Мы для него — недостающие части его симфонии. Мы — генератор, Лира — передатчик. Ему не хватает только одного...

— Контроллера, — закончил за него Джайкс. — И этим контроллером станет сам Варик, когда подключит свой мозг к центральному узлу.

Эла закрыла глаза, пытаясь мыслить как Ликвидатор, как стратег, которым она была долгие годы. Она начала «профилировать» ситуацию, как её учили на курсах продвинутой психологии Банка. Варик — нарцисс, одержимый порядком и эстетикой звука. Он не будет просто стрелять. Он будет «дирижировать». Значит, его слабое место — в предсказуемости его «оркестра».

— Если он использует Лиру как антенну, значит, сигнал идет через региональный узел «Синих Панелей». — Эла ука-

зала на карту на экране. — Это ближайшая точка сопряжения. Если мы её вырубим, Лира на время перестанет быть маяком. Варик ослепнет. На десять, может, пятнадцать минут, пока система не переключится на резерв. Не так ли?

— Региональный узел — это крепость. — Джакс покачал головой. — Там Жнецов больше, чем крыс в Омуте.

— Там не нужны Жнецы, чтобы остановить нас, — возразил Кай. — Там стоят акустические щиты, которые просто расщепят мой резонанс на входе.

— Но они не расщепят мой. — Эла посмотрела на свои руки. Золотые нити костюма «Омега» отозвались коротким, хищным мерцанием. — Мой костюм — часть их системы. Он узнает свои протоколы. Я смогу войти в систему под кодом Ликвидатора 402. Предполагаю, она еще не аннулирована в региональной базе, Варик слишком уверен в себе, чтобы менять все пароли так быстро.

— Это безумие... — Джакс начал лихорадочно собирать свое снаряжение. — Нам нужно оружие. Настоящее! Кай, твой резонанс хорош, но против турелей Банка он не поможет.

Джакс вытащил из-под сиденья тяжелый кейс. Внутри лежали странные диски, похожие на обточенные куски черного обсидиана.

— Это «Гармонические мины». Моя личная разработка. — Гордо произнес он. — Они не взрываются огнем, но создают зону «Абсолютной Тишины» в радиусе пяти метров.

Если мы заложим их в охлаждающие контуры узла, вся их акустическая система защиты просто заглохнет. У них начнется обратный резонанс.

Эла взяла один из дисков. Он был холодным и тяжелым. Она чувствовала, как её костюм с опаской реагирует на это устройство.

— Как только узел падет, у нас будет временное окно, точно не скажу, но придется поторопиться. Кай, ты должен будешь ударить по центральному кабелю связи своим самым мощным аккордом. Мы должны послать по системе не сигнал, а «вирус» живого звука. Пусть все их ретрансляторы в городе на секунду услышат правду.

— И что это даст? — спросил Кай, с лёгкой нотой непонимания в голосе.

— Это даст нам шанс дойти до Монолита. Пока они будут чинить свои мозги, мы будем уже у дверей.

Эла подошла к разбитому зеркалу заднего вида. Она увидела в отражении не ту девушку, которая вчера боялась долгов. Она видела воина, чья душа была выкована в Омуте и закалена обманом.

— Джакс, сколько времени до рассвета?

— Сорок минут, Эла. Если мы не сделаем это сейчас, Варик запустит протокол «Великая Тишина», и тогда голос Лиры станет последним, что услышит этот город перед тем, как окончательно оглохнуть.

— Тогда выдвигаемся. — Эла с переполняющей душу ре-

шимостью накинула плащ, скрывая мерцание костюма. — Мы идем ломать их симфонию.

Они вышли из фургона и двинулись через пустынные дворы Синего Сектора. Здесь, среди роскошных апартаментов, тишина казалась особенно зловещей. Эла шла впереди, стараясь шагать почти бесшумно. Она чувствовала Лиру. Каждую секунду в её голове вспыхивала короткая, болезненная вспышка золотого света — сестра звала её. *«Держись, малышка. Еще немного. Я уже близко»*, — думала Эла, сжимая в кармане «Гармоническую мину».

Они остановились у подножия массивного здания, похожего на перевернутую пирамиду из матового стекла и стали. Региональный узел Банка «Сириус». От него во все стороны тянулись толстые кабели, уходящие под землю — нервы Гросс-Сити, по которым текла украденная жизнь.

— Охрана на входе — четыре Жнеца, — прошептал Кай, указывая на тени у массивных гермоворот. — И еще двое на вышках.

— Я возьму на себя вход. — Эла начала активировать «Омегу», но в этот раз она делала это так, чтобы звук был направлен внутрь её тела. — Как только ворота откроются, Джакс, ты бежишь к серверной. Кай, твоя задача — прикрывать нас с тыла. Если увидишь Селену... не вступай в бой. Просто дай мне знать.

— Понял, — кивнул Кай. Его рука на мгновение чуть не коснулась её плеча. — Эла... если что-то пойдет не так...

— Всё пойдет не так, Кай, — горько улыбнулась она. — Это Гросс-Сити. Здесь по-другому не бывает.

Она сделала глубокий вдох, настраивая свой внутренний резонанс на частоту «покоя», которой её учил Кай. Но внутри этого покоя теперь жила стальная нить ярости.

Ликвидатор 402 вернулась в строй. Но в этот раз она пришла не чистить смерть. Она пришла её принести.

Площадь перед региональным узлом «Сириус» напоминала ледяное озеро. Матовый гранит плит под ногами был таким чистым, что в нем отражались редкие огни охранных вышек. Здесь не было мусора, не было тумана — только пустота и холодный свет прожекторов, которые медленно резали темноту, как скальпели.

— Идут по графику, — прошептал Джакс, прижимаясь к выступу бетонного парапета. Он кивнул в сторону двух фигур в черной броне, которые мерно расхаживали у входа. — Шестьдесят секунд между разворотами. Если не успеем проскочить к терминалу, нас поджарят раньше, чем мы успеем поздороваться.

Эла чувствовала, как костюм под плащом начинает вибрировать. Но уже не хаотичным шумом, а подконтрольной мелодией. После уроков Кая она научилась убирать этот звук вглубь себя, прятать его под ребрами.

— Я пойду первой, — сказала она. Её голос звучал глухо из-за высокого воротника. — Система узнает мой биологи-

ческий код. Для неё я всё ещё Ликвидатор 402, который вернулся с затянувшегося задания. Пока она будет соображать, почему мой костюм искрит, я введу вирус.

— Будь осторожна. — Кай коснулся её локтя, надев перчатки — только так это и было возможно. В этот раз он даже не пытался использовать свою силу, это был простой человеческий жест. — Если они заметят, что ты не одна, они заблокируют шлюз. И тогда, скорее всего, Лира останется там навсегда.

Эла кивнула и вышла на открытое пространство.

Каждый шаг по пустой площади отдавался в её ушах оглушительным грохотом, хотя она ступала мягко. Она чувствовала себя мишенью в тире. Один неверный жест — и снайперы на крышах превратят Элу в решето.

Она подошла к массивному стальному столбу терминала. Над ним висела камера, её «глаз» медленно повернулся и замер на лице Элы.

— Ликвидатор 402, — произнесла она, прикладывая запястье к считывателю.

Под кожей на руке зачесалось. Золотые нити костюма встретились с электронным лучом сканера. Эла затаила дыхание. В недрах здания что-то щелкнуло, загудело. Она видела, как на экране терминала побежали строчки кода.

«Идентификация... — мигала надпись на экране. — Объект: Вэйн, Эла. Статус: На задании. Внимание: Обнаружены повреждения брони. Требуется технический осмотр».

— Проверка связи, — прошептала Эла, вводя на сенсорной панели комбинацию цифр, которую Джек заставил её вы зубрить.

Это был код экстренного сброса данных. Для системы это выглядело так, будто Ликвидатор вернулся с перебитым передатчиком и пытается вручную сдать отчет.

«Доступ разрешен. Добро пожаловать, Ликвидатор».

Тяжелые створки ворот с шипением разошлись в стороны. Эла сделала шаг в прохладный полумрак вестибюля, и в ту же секунду из теней вышли двое Жнецов. Их визоры светились холодным синим светом.

— 402-я? — Один из них поднял винтовку, но не в боевое положение, а скорее из любопытства. — Тебя уже списали в утиль. Сказали, ты погибла в Омуте.

— Как видишь, Омут меня не переварил. — Эла старалась, чтобы её голос не дрожал. — У меня срочный доклад для Варика. Лично.

— Директор занят. — Жнец сделал шаг к ней, его тяжелые сапоги гулко бухали по мрамору. — Сдавай капсулу с эфиром и иди в медблок. Ты выглядишь так, будто тебя переехал фургон.

В этот момент за спиной Жнеца, в глубине коридора, зажегся один из экранов. На нем были не графики и не цифры. На нем было лицо Лиры. Девочка открыла рот в беззвучном крике, и из динамиков под потолком вырвался тонкий, сверлящий звук.

Он не был похож на голос. Скорее, на ультразвук, от которого в вестибюле задрожали стекла. Жнецы схватились за шлемы, их системы защиты не были рассчитаны на атаку изнутри собственной сети.

— Сейчас! — крикнула Эла.

Из-за створок ворот, которые еще не успели закрыться, вылетел Кай. Он не бежал — он скользил, и за ним тянулся шлейф янтарного света. Одним плавным движением он пронесся мимо первого Жнеца. Тот даже не успел вскинуть оружие: резонанс Кая просто выключил его сознание, как тумблер. Солдат рухнул на пол грудой мертвого металла.

Второй Жнец успел нажать на курок. Синяя вспышка прорезала воздух в сантиметре от плеча Кая.

— Эла, зеркало! — крикнул Кай.

Эла долго не раздумывала. Она вскинула руки, настраивая «Омегу» на частоту выстрела. Не стала прятаться и поймала второй импульс Жнеца прямо ладонями. Боль была такой, будто ей в руки влили расплавленное свинец, но она удержала её, не дала звуку разрушить себя. Она развернула его и отбросила обратно в Жнеца, усилив своей собственной яростью.

Противника отшвырнуло к стене. Послышался треск ломающегося пластика и искры короткого замыкания. Путь был свободен.

Джакс ворвался в вестибюль последним, прижимая к груди сумку с минами.

— Быстрее! — прохрипел он. — Лира дала нам окно, но Варик сейчас поймет, что это был не сбой!

Они бежали по длинным, бесконечным коридорам, которые напоминали внутренности гигантского компьютера. Повсюду были кабели, мигающие огни и запах озона. И повсюду был голос Леры. Он доносился из каждой колонки, из каждого терминала.

Это не была песня. Это было эхо страха. Лира чувствовала, что Эла рядом. Её мозг, превращенный в антенну, разрывался от близости родного резонанса.

— Она зовет меня... — Эла остановилась на секунду, прижимая руку к голове. — Кай, ей больно. Каждый мой шаг делает ей больнее.

Её сердце сжималось от боли за сестру, накатывали слёзы.

— Поэтому мы должны это закончить. — Кай снял перчатку, взял её за руку, и на мгновение их пульс стал общим. — Джакс, где серверная?

— Сектор С, уровень минус два! — Джакс уже возился с панелью лифта. — Если мы заложим мины в центральный охладитель, вся система связи «захлебнется». Варик потеряет картинку и перестанет видеть мир глазами Леры.

Они ввалились в лифт. Двери закрылись, и кабина начала стремительно падать вниз.

— Эла. — Кай посмотрел на неё в тусклом свете лифта. — Когда мы взорвем узел, город на мгновение погрузится в абсолютную тишину. Это будет твой шанс. Ты должна бу-

дешь послать Лире сигнал. Не через костюм, не через магию. Просто... вспомни тот парк. Тот смех. Она должна услышать тебя в этой пустоте.

Эла закрыла глаза. Она видела Лиру — маленькую, хрупкую, опутанную золотыми нитями в белой комнате Монолита.

Лифт вздрогнул и остановился. Двери разошлись, открывая вид на колоссальный зал, заполненный гудящими стойками серверов. В центре зала, под прозрачным куполом, пульсировало «сердце» узла — огромный кристалл, через который проходили все чувства Гросс-Сити.

— Вот оно. — Джакс вытащил первую «Гармоническую мину». — Сейчас мы устроим этому городу тихий час, который он никогда не забудет.

Но прежде, чем он успел сделать шаг, из динамиков под потолком раздался голос Варика. Спокойный, почти ласковый.

— Эла, ты всегда была моим лучшим сотрудником. Столько рвения... Столько страсти. Но ты забыла главное правило Ликвидатора: уйти можно лишь единожды, второго шанса не бывает.

Из теней за серверными стойками начали выходить Жнецы. Много Жнецов. А в центре, на мостике над кристаллом, возникла голограмма Варика. Он смотрел на них сверху вниз, и в его глазах не было ничего, кроме холодного научного любопытства.

— Ты привела мне Кая Торна прямо в руки. — Варик слегка поклонился. — Спасибо, Эла. Теперь моя симфония будет завершена. Лира, дорогая... поздоровайся с сестрой.

В зале раздался крик. Настоящий человеческий крик Лир, усиленный в тысячи раз. От этого звука на серверных стойках начали лопаться индикаторы. Эла упала на колени, чувствуя, как её «Омега» начинает плавиться от входящего потока боли.

Это была ловушка. И они только что захлопнули её за собой.

Глава 8. Золотая клетка

Крик Лир не был звуком, который можно просто заткнуть, закрыв уши. Он прошивал насквозь. Он вибрировал в зубах, в костях, в самой глубине зрачков. Это была не просьба о помощи и даже не физическая боль. Это был звук распадающейся души, которую насильно переплавляли в чистую энергию.

Эла стояла на коленях на холодном металлическом полу серверного зала «Сириуса». Её «Омега-костюм» сошел с ума. Золотые нити под плащом горели так ярко, что сквозь ткань проступали узоры, похожие на вскрытые вены. Она чувствовала, как её собственный резонанс, который Кай так бережно учил её настраивать, теперь рвется наружу, стремясь слиться с криком сестры.

— Лира... — выдохнула Эла, и на её лице заблестели слезы, которые тут же испарились, едва коснувшись раскален-

ной кожи. — Лира, замолчи, пожалуйста...

— Она не слышит тебя, Эла. — Голос Варика, струящийся из голограммы, был неестественно спокойным. — Она сейчас — идеальный камертон. Знаешь, в чем ирония? Чем сильнее ты пытаешься её спасти, чем больше эмоций ты вкладываешь в свой протест, тем громче она звучит. Ты сама подливаешь масла в этот огонь. — С последними словами на его лице проступила лёгкая ухмылка.

На огромном экране над кристаллом изображение Лирь сменилось её биологическими показателями. Это была не медицина, а точная инженерия. Эла увидела, как золотистые нити Эфира в теле сестры превращаются в острые кристаллы. Они прорастали сквозь легкие, оплетали сердце, заменяли собой нервные узлы. Лира буквально превращалась в статую из драгоценного металла, которая всё ещё умела чувствовать боль.

— Посмотри на этот график. — Варик указал на красную линию, которая начала дрожать. — Её мозг работает на 400% от естественной мощности. «Золотой Эфир» выжигает всё лишнее: воспоминания о детстве, привязанности, даже её страх перед темнотой. Остается только чистая передача. Ты видишь перед собой будущее, Эла. Мир, где никто не одинок, потому что все связаны одной великой частотой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.